

КИНОС (С.З.)

КОГДА ГАСНУТ ЗВЕЗДЫ

2023

Степан Витальевич Кирнос

Когда гаснут звёзды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69297478

SelfPub; 2023

Аннотация

Вскоре наступит чудесный праздник – Звёздная летняя ночь. В честь Мальфаса будут звучать храмовые пения и литься вино, а апофеозом станет роскошный бал-маскарад на который явиться вся знать Арка. Город будет гудеть до самого утра, предаваясь молитвам, танцам и пиру. Но что для одних веселье, для другого станет ключевым поворотом в истории чувств. Молодой судья давно питает к хранильнице нечто большее, чем просто дружбу. Бал – чудесный повод её пригласить и всё рассказать. Но какова цена раскрытой любви?

Содержание

Степан Кирнос

Когда гаснут звёзды

«Худший способ скучать по человеку – это быть с ним и понимать, что он никогда не будет твоим».

– Габриэль Гарсиа Маркес.

«... поверь мне, горестно и мучительно видеть любовь, которой из-за тебя суждено остаться безответной.»

– Арагорн

Джон Рональд Руэл Толкин. Властелин Колец

«Это было как смертный приговор: знать, что я никогда не смогу обнять тебя, никогда не смогу рассказать тебе, что же ты для меня значишь.»

– Алекс Стюарт

Сесилия Ахерн. «Не верю. Не надеюсь. Люблю».

I

Спор идиотов

Арк. Одиннадцать часов.

Тёмные свинцовые облака скрыли небо, накрыв город по-нурым одеялом серости и меланхолии. Одного взгляда в поднебесье хватает, чтобы исполниться печали этих по истине мрачных и горьких времён. Вся столица с осторожностью

встречает каждый новый день, взирая на «Око ветров», откуда, подобно дисикловому мечу¹, над градом нависает чёрная монструозная машина, прозванная «светочем». Но не всё попало под власть хандры, ибо в сердцах людей теплится надежда на лучшую жизнь, раздуваемая скорым празднеством. Множество людей и аэтерн готовятся встретить долгожданное событие, за которым кроются важные события истории, чтобы задёшево напиться в тавернах, чтобы пуститься в пляски и песни, забыться в безудержном веселье и не помнить про беды родины.

– Как говорил один наёмник – «в таверне всегда люди будут веселиться, даже если за стенами будет огонь падать с неба». А что будет твориться вечером!? – на худом золотистом лице проступило счастье предвкушения, а острые уши слегка дёрнулись, ясно говоря о его чистом аэтернийском происхождении. – Эх, хорошо повеселимся.

Речь произнес молодой юноша, лет двадцати пяти, устроившийся в удобном мягком кресле. На нём лёгкая алая пёстрая рубашка, распахнутая на груди, уходящая под чёрные штаны, утянутые высокими кожаными сапогами.

– Итиэль, ты думаешь, что в этот раз будет пышное празднество? – с сомнением сказал человек лет двадцати восьми, накинувший на себя кожаный плащ поверх белой рубахи, стоя прямо у окна и всматриваясь в картину унылой серости.

¹ Дисиклов меч – эндеральская идиома, обозначающая нависшую над кем-либо постоянную угрозу при видимом благополучии

– А хорошую ты библиотеку собрал! – взгляд ясно-голубых очей парнишки, коснулся больших, практически чёрных и сияющих лаком дубовых шкафов, забитых книгами с тёмными корешками. – Они у тебя практически по всюду. Вот тебе и кабинет судьи!

– Я спросил тебя о...

– Не нуди Штеппфан Даль'Кир, – махнул Итиэль, – да, я так и думаю. Ты же сам видел бумажки. Столько расходов. Наш Великий магистр по истине щедр! Столько трат на вино и пиво я не видел со времён праздника победы на Фермерском берегу.

– Ах, ты о том, когда объявился наш Теалор Арантеаль вместе со своими новыми неримскими союзницами и решил помочь Бореку, отпинав пару-тройку шаек местных оборванцев и объявив это великой победой, – с неодобрением произнёс мужчина, не отрывая взгляда от дождя.

– Именно.

– Вот тебе и лето наступает, – прошептал молодой парень, смотрящий в окно и видящий скребущую сердце картину – как небеса «рыдают», как капли дождя стекают по блестяще-изумрудным листьям. – Зараза, а ведь завтра ещё и праздник Звёздной летней ночи. Я надеюсь, скоро распогодиться.

За окном простирался Квартал знати. В солнечное время он сияет красотой, шиком и аристократизмом, утопает в пышной зелени и роскошью красоты домов. Но ныне он слег-

ка омрачён погодой, разогнавшей народ и лишивший его толики помпезности, хотя подготовка к празднеству выправляет понурость. Сейчас люди стали выходить из домов, а утром стояли лишь одинокие караульные с патрулями курсировали по улочкам, сверкая начищенными алебардами и копьями, пестря яркостью бело-красного сюрко.

– Кстати, Штеппфа-а-а-н, – затянул аэтерна, ехидно улыбнувшись, – ты может заменишь меня? Ты конечно судья, а я всего лишь секретарь без этой чудесной приставки «Даль» к фамилии и всё такое, но... не мог ли бы ты завтра сам побыть в суде? Ты всё равно не пойдёшь на бал-маскарад, а я хочу там быть. Меня пригласила девушка.

– Почему ты думаешь, что я не пойду? – бурно возмутился Штеппфан, потерев серебряное кольцо. – Может я буду танцевать до самого утра.

– Вай, да ну! – хлопнул в ладоши Итиэль, наигранно поморщившись. – Да ты даже на храмовые праздники особо не ходишь и на сходы зажавшихся аристократов, которые устраивает Даль'Мерсер!

– Итиэль, ты хоть мне, и старый друг... но не забывай, что ты говоришь про знать, – с нуднотой стал причитать Штеппфан. – Избранники божественного Мальфаса, как-никак. Будь повежливее. Я тебя ещё пойму, а вот ляпнешь при ком-то другом, точно отвесят или штраф, или десяток плетей.

– Хорошо. Ну, а что тебе там делать? – улыбнулся Ити-

эль. – В любой праздник ты только и сидишь, что работаешь или дома читаешь. А я с девушкой познакомился, которая меня проведёт. У неё и в фамилии волшебная приставка «Даль» имеется!

– Может я и приглашу кого-нибудь на бал в честь Звёздной летней ночи, – ухмыльнулся судья, сев за своё кресло и Итиэль увидел слегка полноватое овальное лицо, нефритовые неширокие глаза и чёрный короткий, аккуратно стриженный волос; опрятный вид навеивал образ исполнительного чиновника, а нефритовый оттенок глаз отдавал чем-то сердцеземским. – Вон, хотя бы... К-Калию Закареш. Я не думаю, что она откажется со мной сходить на бал.

– Ха! – подорвался Итиэль с кресла, быстро миновав весь кабинет, оставив смачные грязные следы на белом «пушистом» ковре. – Ты и пригласить Закареш!? Да я скорее поверю в то, что Подгород удастся сделать цивилизным и праведным местом, где Ралата удариться в веру Семерых, чем ты её пригласишь, – парень завершил свой путь у шкафчика с сервисом, цепкими пальцами отворив дверь он нашёл там графин с мутной жидкостью, который тут же взял.

– Почему ты столь категоричен? – поднял бровь судья, откинувшись на спинку и с недовольством посмотрел на сапоги Итиэля. – Зараза, теперь придётся ковёр стирать.

– М-м-м, элтридорское красное, – втянул приятные терпкие ароматы секретарь, поглаживая гладкий хрустальный сосуд. – С нотками гвоздики. У тебя недурной вкус, – Итиэль

взглянул на Штеппфана, лик которого омрачила неприятная серость.

– Ты это, не уходи от темы.

– Иди и пригласи её, – с задором сказал Итиэль, потеряв ладони, убрав вино и вернувшись в кресло. – Я готов поставить сотню, да нет – тысячу медяков на то, что ты струсил! Не сможешь. Будь ты хоть сто раз героем битвы за Пороховой утёс, но ты боишься девушек больше нежити!

– Ты действительно так думаешь? – потёр ладони Штеппфан.

– Конечно. Я знаю это, – сложил руки на груди парень, поёрзав в кресле, пытаясь хоть как-то согреть себя. – Ты как видишь Закареш, у тебя едва ли не подкашиваются ноги. Сколько ты не был красноречив, но рядом с ней ты начинаешь заикаться и бурчать что-то невнятное.

Даль'Кир вспомнил суть слов друга, находя в них желчную правоту. Присутствие молодой хранительницы выбивает его, делает рассеянным, как то было в последний раз во время посещения Натары Даль'Верам. Он должен был рассказать Тручессе Святого ордена о состоянии о количестве преступлений против культа Семерых и осуждённых за ересь и отступничество. И всё бы ничего, но младший судья часто сбивался, запинаясь и засматриваясь на молодую девушку, облачённую в красно-белые одежды послушницы, помогавшей охране. Он не мог надолго оторвать взгляда от её шоколадно-коричневых глаз и прекрасного утончённого лица. А

засматриваясь парнишка затягивал речь, путался и перемешивал предложения отчёта. Натара, будь она сто раз воином и служащей страны, быстро всё поняла и отдала распоряжение молодой послушнице, чтобы та очень долго шла за вином, а лучше бы – купила его в Подгороде.

Воспоминание разыграло в душе Даль'Кира вспышкой негодования и ярости. Почему – он, судья Трибунала, не может позвать на бал хранительницу? Почему он должен бояться и мяться?

– Тихо! – хлопнул Штеппфан по крышке стола, на бледных щеках проступил лёгкий румянец. – Я приглашу её. Хоть мне это будет стоить всего состояния!

– Спорим, – подошёл к столу Итиэль. – Ты этого не сможешь сделать. На три сотни медяков.

– Спорим, – протянул длань судья, заключив ладонь друга в крепком рукопожатии.

– Это будут мои самые лёгкие деньги, – радостный отошёл Итиэль, плюхнувшись в кресло.

В кабинете повисла противная тишина, слегка прерываемая шипением дождя. Помещение, набитое книгами, бумагами и вывешенными документами, да львиным гербом Арка, давило каким-то канцеляризмом и только коллекция вин и коньяков из Нерима, бережно выстроенная в три батареи бутылок, смягчала обстановку. Даль'Кир, сидевший на фоне багрового стяга с белой королевской хищной кошкой, с теплотой посмотрел на изогнутое серебристое лезвие ятагана с

белоснежной рукоятью, висевшего на стене, прямо над дверью. Наградное оружие вызывало теплоту, напомнив о годах службы офицером в сердцеземском полку. Но вся приятная ностальгия была раздута ядовитой мыслью, давно травившей сердце.

– Действительно... у меня с прекрасным полом беда? – осторожно спросил Даль'Кир.

– А то ты сам не знаешь, – почесал нос аэтерна, став причитать. – Ну вот... была некая Э'Лиона до Калии из Аразела вроде. Как ты с ней списался, даже неведомо, наверное, и дедушке Мальфасу, но хандрил ты знатно. Незнамо как познакомившись ты с ней сколько переписывался? Месяц, два? Сам говорил, что она для тебя просто друг по переписке, – поморщил лицо Итиэль. – А когда она прислала письмо, что влюбилась и нашла пару, ты помнишь, что было? Мне кажется, ты обиделся, сердился на неё?

– Давай забудем об этом, – натужно улыбнулся судья, чувствуя, что его как будто плетью по сердцу хлестанули. – Нет, как я мог сердиться на неё? Она очень славная и хорошая девушка и я искренне рад то, что столько прекрасный человек обрёл себе радость для сердца. В конце концов те чувства были... странностью, что ли. Было и было...

– «Было и было», – фыркнул Итиэль. – Да конечно ты не вспомнишь! Мало кто вспомнит что-то после двух бутылок кабаэтского коньяка. И вот что ты пил-то!? Ты даже не удосужился потратить пару тысяч медяков на дорогу, чтобы встре-

титься с ней, – аэтерна возмущённо шлёпнул по дивану.

– Ты знаешь, что это было бы бесполезно... несмотря на то, что собирался. Да и... не драматизируй.

– Не драматизируй!?! – подорвался Итиэль. – А кого я и ещё пара помощников покрывали от верховного трибуна, которому вот прямо приспичило в тот вечер запросить отчёт по делам «Об оскорблении Святого ордена»? Или ты забыл, что мы сами строчили эти бумажки за тебя? А трибуну говорили – «да он сильно заболел, мессир, не может даже ходить», – исказил голос аэтерна, – что кстати было недалеко от правды.

– Ну ладно... и... это видно, – голос Даль'Кира проявил дрожь, – что я...

– Ты давно по сохнешь по Закаresh! И это видно. С того самого момента, как вы познакомились во время приёма у Даль'Гейсса.

«И то верно», – подумал Штеппфан на секунду предавшись грёзам. Он вспомнил тот вечер, вспомнил о том, как на сердце были созданы узлы, завязавшие чувства в тот день, когда один из знатных людей Арка решил собрать аристократию на пир. Тогда он и встретил юную киреянку, которая ходила среди гостей, охраняя их покой вместе с хранителями. Он никогда не забудет пронзительного взгляда, голоса, подобного пленительному шелесту сухого песка, а также бархатной кожи, к которой он случайно прикоснулся, задев руку. Они провели полчаса в беседах о розах, бедах Подгорода, проблемах аптекариев и любви. Её нравы, идеи и мысли

очаровали Штеппфана, поразили до глубины души. После этой встречи, он не мог спокойно дышать в её присутствии и проявлял к ней удивительную благосклонность, несмотря на покрытое мраком происхождение Закареш.

«Но ведь это праздник Звёздной летней ночи», – утвердился в мысли пригласить Калию Штеппфан, эта идея вошла в его груди тонизирующей отрадой, придала сил и слегка опьянила. – «Должно всё получиться».

– Я сказал... приглашу, – встал человек с дорогого резного кресла и быстрым шагом направился к двери.

– Пригласишь? – усмехнулся Итиэль. – А у тебя есть приглашительное письмо, заверенное подписями? Без этой бумажки тебя не пропустят.

– Найду как-нибудь!

– Штеппфан, – чуть приподнял руку аэтерна, его голос был спокоен, а мысли на удивление наполнены смыслом. – Подумай – оно тебе это нужно? Спор спором, но тебе нужно культивировать чувства в которых нет ни смысла, ни перспектив? Ты смотришь слишком высоко, на звёзды... она – хранительница, а ты – судья из мелкого рода, вы слишком далеко отстоите друг от друга. Спустись на землю. Не будет ли цена слишком высока?

Даль'Кир хлопнул дверью, став спешно искать выход из суда. Одна мысль, что ему придётся позвать Закареш отзывалась дрожью в теле, неприятным холодком.

Вскоре он оказался на улице, набрав полной грудью све-

жий воздух и разгоняя терн тревоги. Из рта вырвалось облачко пара, подхваченное и развеянное ветром. Несмотря на капризы погоды город всё же с нетерпением ждал прихода торжества, желая отметить его со всем размахом, и никакой дождь не испортит этого стремления.

– Так, для начала мне нужно достать маску, – поставил себе цель Штеппфан, отерев белое лицо от капель дождевой влаги. – А потом и её можно пригласить.

Арк, прекрасная столица всего континента, оплот праведной веры Культа семи и его эндеральского канона, дом для десятков тысяч человек, штаб-квартира Святого ордена, жемчужина в короне божественного Мальфаса – готовился к едва ли не самому главному празднику, который полную силу возьмёт под ночь. Благородный район города, разделённый речушкой Ларксес, одевался в роскошные рубиновые, золотые и серебряные одежды грядущего празднества. Глаз судьи мог лицезреть красивые красные мальфафские цветы, свитые в венки и украсившие столбы, фонари и вплетённые куда только можно, превратившись в безумную россыпь алых астр, спустившихся с небес. Хлюпая короткими сапогами по лужам квартала знати он мог лицезреть то, как на добротных двух- и трёхэтажных домах появляются красные звёздочки, прикреплённые к углам зданий. Между улицами протянулись канаты с флажками, выкрашенными в серебро. Их такое количество, что это скорее напоминает целую паутину. Они игриво дёргались на лёгком ветру, нисколько не

теряя в блеске и великолепии.

Посмотрев направо, он увидел, как служитель веры, в честь праздника облачившийся в насыщенно-коралловый хитон, пред небольшой каменной статуей высокого мужчины в латах, зажатой между домами, ведёт службу для нескольких господ:

– О Мальфас крепкий – Эндерала свет, Мальфас пресветлый – жрецов величие, Мальфас единый – праведных оплот, пред твоим божественным светом мы предстоим, твоего божественного напутствия желаем! – пел жрец, подняв руки пред его идолом.

Штеппфан вспомнил частицу смысла сегодняшнего события. История праздника уходит глубоко в века, в те времена, когда Арк был небольшой крепостью на вершине горы, а Мальфас общался со своим народом через первую Тручессу. Сельна, как главная носительница воли своего бога в древние времена устроила огромный пир в честь того, что Мальфас помогал им на пути в Эндерал, молнией, огнём и духом, подкреплял их и вёл по своим путям, и благословил эти земли на богатый урожай. В самые тёплые дни, у горы, собралось множество людей, принося дары Мальфасу, Сельна возвещала волю божества о будущем страны, а бог в знак того, что он любит своих последователей явил чистое небо, усеянное золотыми, сапфировыми, рубиновыми и серебряными звёздами. Они сияли так сильно и так ярко, что казалось, словно небо неведомого мира разверзлось над Эндералом.

С тех самых пор этот праздник зовётся – Звёздная летная ночь, как день, когда бог в последний раз обратился к своему народу, когда были заложены основы эндеральского мира. И были в тот день и час произнесены легендарные слова, которые пропел жрец:

– «Ты мой свет, мой отблеск на горизонте. Твое имя – мое таинство, и твой Путь я буду чтить, как в жизни, так и в смерти».

Штеппфан ускорил шаг, ступая по раскиданным красным лепесткам, сделавшей квартал знати по истине наполненным снизошедшими с небес звёздами. Он видел роскошь и помпезность с которой украшают это место, зрел знатных дам и мужчин в дорогих костюмах и идущих за одеждами. Всё пребывает в статичности, некоем отвлечённом официозе. Служитель закончит поместную службу, квартал знати оформлен согласно протоколу и выделенным суммам, а аристократия готовится к балу-маскараду, который пройдёт после большой храмовой службы, посвящённой Семерым.

– Скучно, – прошептал судья, утерев лицо от дождевой пыли, услышав в стороне речь, посвящённую празднику:

– Ты слышала, есть поверье, – если вечером положить сем красных роз возле домашней статуэтки Мальфаса и загадать желание, то оно обязательно сбудется!

– О, Мальфас, нужно будет попробовать!?

Он резко свернул, спустился по высокой лестнице и оказался перед массивными внушительными приоткрытыми

вратами. Вильнув за них он по мощёной серой брусчаткой улочке вышел на место, которое встретило его отрадой и звуками радости. Рыночная площадь ликовала в преддверии будущего праздника, заваливаясь музыкой местных бардов. Неопишное количество людей и аэтерна в пёстрых вычурных цветах бродили между прилавками, выбирая вина, мясо и хлеб на столы. В темных уголках и по тавернам народ уже откупорил первые бутылки, предаваясь безудержному веселью. «Танцующий кочевник» и пара других таверн стали настоящими «бастионами» пьянства, танцев, карточных игр, шумных песен и похотливых шуток. По улочкам так и разносились запевки, подобные этой:

– Хэй, народ Арка на праздник собирайся!

Сам Мальфас пить вино и пиво нам велел!

Тир говорит – дома и в храме не валяйся,

Что б в таверне скорее ты плясал и пел!

Продавцы сладостей за изукрашенными лавками под цветастыми навесами за блестящие монеты раздавали детям конфеты и сахарные леденцы. Аэтернийские менестрели завораживали песнопениями народ, факиры и чародеи за пару монет озаряли пламенно-яркими всполохами огня площадь и ревущее пламя вместе со сложнейшими фигурами и картинами из эфирных энергий. Ладони магов ваяли прямо в воздухе орлов, львов, собак и прочих животных, в тот момент, когда медные монеты со звоном летели в железные чашки. В воздухе клубился аромат сахара и озона.

Штеппфан быстро миновал толпу, временами распахивая людей, подсекаемый целью. Ему особо нет дела до той степени торжества в которую окунутся простолюдины. Он здесь ради иного, ради того, что сердцу милее, трепетнее и желаннее всего.

– Привет, Гелиосина Фе’Шир – подошёл Штеппфан к девушке, у которой на прилавке лежал богатый выбор масок и элементов костюма, пальцы судьи погладили мех, перья, накладки и ткань аккуратно сложенных нарядов.

– О, Штеппфан, – узнала его светловолосая дама, укутавшись в одежду, защищаясь от прохлады. – Неужто пришёл сюда? Кстати, твой старый конфликт миновал?

– Ах, ты о той картинной галерее? – потёр руки судья. – Забудь про неё. Конфликт был исчерпан год назад. Всё закончилось мирно.

– А не сыграла ли в его разрешении одна девочка? – добродушное лицо украсилось улыбкой. – Та, которая тоже художница?

– Э’Лиона? – с уколом в груди сказал Штеппфан. – Не знаю...

– Да это она была! – она игриво пихнула в плечо Даль’Кира. – И как ты нашёл её?

– Встретил мельком, когда был на востоке, – стал хмурый судья, на миг позволив себе вспомнить о загадочной огневолосой даме, с которой он общался только письмами и один раз в жизни встретившись на верфях Дюнного, положив на-

чало долгому межконтинентальному диалогу.

– Встретил он, – покачала головой девушка. – Всего один раз, но сколько всего это принесло?

– Когда это было? Год тому назад? – фыркнул Штеппфан. Звёздная летняя ночь, что в предыдущий раз в этот не оставляет Штеппфана без эмоциональных потрясений. Рука в кармане сжала бумагу и Даль'Кир вынул её. На ладони судья увидел письмо, отмеченное гербовой печатью с изображением тигра, возвестившее о её новой страсти. С одной стороны, он был рад, что его далёкая знакомая обрекла опору в жизни, но с другой что-то выло и метало в груди, словно у сердца загорелось пламя «солнца» Даль'Марака².

– Штеппфан, что ты хочешь? Зачем пришёл?

– Мне нужна маска на сегодняшней бал-маскарад.

– Кого-то будешь приглашать?

– Одна... хранительница, – загадочно ответил парень.

– Так значит, теперь Закаresh?! – бодро произнесла Гелиосина. – Я видела, как ты на неё смотришь.

– Да, – уверенно кивнул Штеппфан. – Я думаю, что на этот раз всё должно получиться.

² Солнце Даль'Марака – речь о пирийском изобретении, которое является источником неограниченной энергии, которое должно было сделать провинцию Тальгаард плодородной и способной производить урожай. В ходе незадокументированного эксперимента и попыток поставить его на службу Эндералу «Солнце» взорвалось. Количество энергии было колоссальным, её хватило, чтобы выжечь местность в небольшом радиусе и отравить земли как минимум двух провинций – Тальгаарда и Золотого леса, убивая всё живое и лишая рассудка всех колонистов.

«Давай!» – что-то воззвало в душе, он почувствовал необычайный прилив сил. – «Звёздная летняя ночь – это отличный повод! Она не откажет тебе!».

– На этот раз всё будет иначе, – вдохновлённо произнёс парень, в нефритовых глазах зажегся огонёк рвения, вспоминая те немногие моменты общения с ней, споры и обсуждения, когда он мог наслаждаться её голосом, видом лица и глазами. – У нас много общего. Так у тебя есть она?

– Да, есть, – исподлобья на него посмотрела дама и протянула чёрную, как уголь маску, пальцы провели по мягким перьям, погладили деревянный клюв.

– Ворон?

– Для тебя – самое то.

Штеппфан заметил ещё один товар и убрав часть светлого наряда, увидел браслет. Это искусно выполненные украшения, сотворённое из серебра, с золотыми узорами, которые складываются в затейливые символы – растительный орнамент, обвеивающий око, пронзённое мечом. Штеппфан, подметив рисунки на блестящем начищенном серебре, понял, что браслет вышел из-под руки мастера провинции Сердце-земье, когда та ещё кипела жизнью и процветанием. А маленький инкрустированный гранат возвещал о том, что драгоценность сделана в честь праздника Звёздной летней ночи. При взгляде на него у Даль'Кира появилась идея, приятная греющая мысль, за которую он зацепился.

– Сколько он стоит? – коснулся серебра Штеппфан.

– Тысячу восемьдесят медяков, – взяла его Гелиосина.

– Почему так дорого? – смутился Даль’Кир. – Может, скинешь немного?

– Ишь ты, чего захотел. Работа времён славного грандмастера Аврелиана Даль’Соляриса, – Гелиосина гордо назвала владыку Эндерала за время правления которого эта страна достигла наивысшего могущества и процветания. – Да я его и так со скидкой продаю.

– Хорошо, – согласился Штеппфан, вынимая звенящий кошель. – Держи.

– Ого, вы столь щедры, раз отдаётся жалование за четыре месяца?

– Есть... повод, – выдавил Штеппфан. – Для неё никаких денег не жалко.

II

Роковое приглашение

Двенадцать часов. Храм солнца.

– Аха-хах-ха! Задница прорицателя, что ты такое говоришь!?! – рассмеялась чуть выше среднего роста девушка из Нерима, прикрыв темноватое лицо. – Не может такого быть, Джеспар!

– Милая леди, всё так и было! Клянусь Мальфасом и Арантеалем! Хах! – посмеялся седоволосый мужчина, потерев бородку и поправив синий кожаный жакет. – Лишари, он проиграл целую сотню золотых! За пару минут!

Дама бросила на плечи чёрную накидку, скрывшую её

оливковую кожаную одежду. Смуглая девушка почесала длинный шатеновый волос, обрамляющий её округлое прекрасное лицо. Троица людей встала под каменный навес подле колоссальных врат, отделяющих «святую землю» от остального мира, пройдясь по белой плитке, выставшей улицы внутри храмового комплекса.

– Лишари, меня пригласили на бал-маскарад, – вынул из кармана небольшой лист пергамента Джеспар, украшенный печатью-гербом Святого ордена. – А ты пойдёшь?

– Ха, в собрание эти идиотов-религиозников? Чтобы они неримской ведьмой называли? – милое лицо исказило негодование, дотронувшись до небольшого кисета на тонком поясе. – Если только выпить хорошего вина и потанцевать. Не более того. Меня ещё ждёт работа с пирийскими текстами, чтоб её.

– У тебя есть бумага? Без неё только высокоблагородных пускают и тех, кто перед Орденом особо выслужился! – возмутился Джеспар, махнув рукой. – И самое главное, как ты её выцыганила? Мне пришлось потрудиться.

– Джес, я понимаю ты смог выклянчить её у Тручессы парой комплиментов, но мне помог один... приятель, – тепло сказала Лишари, на смуглых щеках выступил багрянец.

– А-а-а, понятно. Это его я проводил тайком в «святую землю» с помощью не святых методов? – усмехнулся Джеспар. – Вместе с «прорицателем».

– Да, – мягко ответила Лишари.

– Один из тех немногих, которые решили изменить мир к лучшему, но их чуть не раздавил Святой орден, – буркнул Джеспар. – А он тебе...

– Даже не знаю. Но он больше мне как друг, – опустила голову Лишари. – Я так думаю.

– Ладно, прочь темы эти, – развёл руками Джеспар. – Нужно зайти к Константину. Он хоть и бурчал, что это праздник «воплощённого мракобесия», но сказал, что хочет там быть.

– Калия, – посмотрела в сторону неримка, обратившись к ещё одной девушке. – Ты пойдёшь на бал-маскарад?

Дама, доселе стоявшая в молчании, заговорила. Но прежде чем что-то произнести, она поправила синюю рубашку с широким вырезом, которая уходила под обтягивающие чёрные кожаные штаны. Тонкими длинными пальцами она провела по пышным, но коротким волосам расцветки вороньего крыла, потом отёрла утончённый подбородок. Левая щека была украшена затейливой татуировкой, а бронзовая кожа отличалась лёгкой бледностью.

– Не знаю, – был дан ответ, шелестящий приглушённый голос слился с шумом мелкого дождя, который сильно поредел. – Что мне там делать? Я не люблю... большие скопления людей.

– Слушай, а тебя кто-нибудь приглашал?

– Меня пригласил один... хороший знакомый, – тонкие губы Закареш тронула тень улыбки. – Он недавно в Святом ордене, как и я. Но я думаю – я или проигнорирую бал, или

пойду одна, а не с кем-либо.

Сквозь ворота Святого ордена просочилась фигура, подобие чёрного призрака, облачённая в чёрный плащ, а на голове красовалась фетровая шляпа. Весьма выдержанный и скромный стиль одежды выдавал в нём служащего власти, которым согласно «десяти праведным поучениям от Первосвященника к людям государства» запрещено одеваться пышно.

– Калия, нам нужно немного поговорить, – сходу обозначил желание парень.

– Ах, Штеппфан, это вы...

Джеспар заглянул в нефритовые глаза Даль'Кира, чувствуя странный пронзительный холод. На глубоком инстинктивном уровне он ощутил, чего желает парень, он понял это по взгляду, по дрожащему голосу и слегка трясущимся пальцам. Бывалый наёмник видел судью, его состояние, оценивал человека с поразительной точностью. А как парень он знал, что ему и неримке лучше оставить их одних.

– Лишари, не хочешь ли ты прогуляться до «Толстого леорана»? Говорят, там в честь праздника продают аразеальский бренди вполцены? Не хочешь это проверить? – Джеспар осмотрелся по сторонам. – Нам ещё маски и костюмы нужно подобрать. Я хотел бы примерить что-то похожее на росомаху.

– Давай, – махнула Лишари. – Что-ж, я думаю мне подойдёт кот.

Штеппфан остался один на один с Закареш. Его глаза буквально впились в её лицо, в груди сердце рвалось бешеной птицей и руки брал лёгкий тремор.

«Почему... О Мальфас, Морала, Тир или неведомый Единый Бог... почему меня так трясёт при её виде?», – спросил себя Штеппфан, не зная, из каких чёрных источников души истекает яд страха и трепета.

– Вы хотели со мной поговорить? – начала Закареш, положив руку на бедро и разрушив неловкое молчание.

– Да, но может мы перейдём на «ты»? – с волнительным придыханием начал Даль'Кир, желая наконец-то «сблизить дистанцию».

– Зачем? К чему это?

– Я думаю мы уже достаточно знакомы, – вспомнил о частых разговорах Штеппфан. – Год уже прошёл.

– Год как вы со мной общаетесь. Хорошо... Штеппфан. Так что же... ты хотел?

– П-пойдём, пройдемся? – указал в сторону статуи ангела Штеппфан, не зная с чего начать и решился использовать возможность, чтобы поговорить на пару иных тем, дабы собраться. – Да и дождь уже прошёл.

Калия кивнула в знак согласия. Она чувствовала зачем к ней пришёл Штеппфан, но ей не хотелось что-то делать наперёд, предоставив полную свободу действий Даль'Киру. Они шагнули от ворот, сапоги судьи застучали каблуками по белой плитке, они ступили на дорожку, разрезавшей мо-

ре зелени газона, медленно подходя к шипящему фонтану. Штеппфан взглянул на ладони и с иронией заметил, что их оттенок стал практически такой же мертвенно-медленный, как и цвет неба над головой.

– Са’Ира, – начала Калия, взглянув влево на искусной работы статую ангела, – ты веришь в то, что сам Мальфас говорил устами Сельны? – спросила она о главном смысле праздника.

– Не знаю, – покачал головой судья, переступая через решётку, выкованную из звёздиса³, под которой был пущен поток воды. – Мне кажется всё это слишком эпическим. Слишком...

– Измышлённым, специально придуманным, – завершила фразу Калия, чувствуя, что хочет сказать он. – Быть может ты и прав. Чтобы сам Мальфас да устами своего вассала говорил? Только, главное, чтобы нас никакой жрец не услышал. Но праздник есть праздник. Да и вообще, как там говорил наш круг жрецов?

– «И мы должны почитать Мальфаса и остальных шесте-

³ Звёздис – металл народа звёздников, отличающийся повышенными физическими свойствами, а также медно-золотистой расцветкой. Из него звёздники делают своих автоматов. Неизвестно, какие именно руды и металлы лежат в химической основе данного сплава. Благодаря прочности и гибкости, которая превосходит сталь, этот металл стал особо популярен при изготовлении брони и оружия, которые из-за дороговизны могут себе позволить далеко не все слои населения.

рых своей молитвой, внимательным чтением икосов⁴, праведным постом и милостыней», – исказив голос в более грубый сказал Штеппфан.

– «Чтобы отблагодарить их за ту милость, которая была явлена Сельне и остальным правоверным», – завершила фразу Закареш, бегло осмотрев послушников в красно-белых мантиях, гуляющих по Храму солнца, использующих момент между тренировками и подготовкой к празднику, чтобы насладиться свежим воздухом.

Разговор запнулся. Судья не знал, как подвести к главному, что-то удерживало его. Секунду тишины он потратил на то, чтобы посмотреть на том, как Храм солнца подготовился к празднику. Здесь всё пунцовело духом праведности, каждый символ был пронизан религиозным смыслом. Семь ярких звёзд размером в человека и висевшие над главными воротами символизировали семь божеств, семерых Рождённых светом, которые засияли в мире подобно путеводным светилам. Цветы ясного небесного цвета, которые сыпали вдоль дорожек стали символами благословений Светорождённых на всех путях человека. Рядом с обычными красно-золотыми знамёнами Святого ордена были вывешены стяги и полотна, которые оттеняли пространство тёмно-фиолетовыми цветами с символом четырёхконечной звёзды, которая яв-

⁴ Икос – в эндеральской традиции Культа Светорождённых особое храмовое песнопение, восхваляющее и прославляющее одного из Светорождённых, святого или религиозное событие.

ляла путеводный свет самого Мальфаса и его защиту. Всюду, где можно, ставились маленькие статуэтки и иконографические картины главного эндеральского бога, пред которыми преклоняли колени, как хранители, так и послушники. По углам были поставлены крытые жаровни и кадилашницы, в которых тлел ладан, разнося сладкий запах по всему Храму, символизируя чистые и частые молитвы, возносящиеся к Семерым, как дым к небу. Храмовые жрецы красовались белоснежными хитонами и туниками, говорившие об их чистоте помыслов. У статуи ангела, и во многих других местах были выставлены жертвенные столы, которые заполнялись деньгами, драгоценностями, вином и дорогим хлебом, которые станут достойным подношением для алтаря Мальфаса, что является традицией, которая идёт со времён Сельны и её последователям, которые посвятили своему богу начаток и одну десятую во время первой Летней звёздной ночи.

– Спасибо тебе Штеппфан за то, что выручил меня тогда, – Закареш остановилась и развернулась, её глаза осматривали высокую белоснежную башню над воротами, ранее служившую колокольной, зазывавшей народ на службу в Храм солнца. – Я не думала, что кто-то может заставить отступить директора банка и главу Золотого серпа. Они как с цепи сорвались, когда узнали о том, что моё происхождении... не столь чистое.

– Ничего, вскоре они пожалели об этом.

Штеппфан вспомнил, как ему пришлось помочь Закареш

тем, что было ему хорошо знакомо. Судья хоть и не был мастером острого клинка, но слыл настоящим рыцарем пера и буквы, а поэтому смог остановить обидчиков с иной стороны. В тот день, когда Самаэль Силрен и Маэль Даль'Лоран, директор банка и глава фракции торговцев, пронюхали о тёмном происхождении послушницы в них вспыхнул по истине праведный гнев. Они не могли принять, что Святой орден, оплот чистой и благородной крови, принял в свои ряды едва ли не беспутную, что возгорелось в их душах жадой хоть как-то ей насолить. Самаэль, державший в банке ячейку с её активами, которые Калии оставил её названный отец, заблокировал доступ к деньгам, а Маэль призвал торговцам отпускать ей товар за полторы цены. По ранимому и чуткому сердцу Калии был нанесён удар, девочку словно пихнули во мрак. Она не могла дотронуться до своего наследия, оставленного магистром Тирасом, и на рынке стали ей продавать самое плохое, временами отпуская оскорбления и язвы. Это сыпало соль на многочисленные шрамы. Она рассказала судье, что это сильно ранит её душу, и он решил помочь со всей правовой изобретательностью.

– Никогда не думала, что банкира можно прижать, – продолжила идти Калия.

– Он сильно... «испачкался», когда заключил крупный договор с одной неримской компанией без одобрения Первосвященника и Тручессы, – потёр ладони Штеппфан, пытаясь согреть их. – Стоило ему только напомнить об этом и

намекнуть, что сотни тысяч медяков под угрозой, он тут же заюлозил и замешкался. Стал извиняться и причитать, обещал в скорейшее время тебе вернуть доступ.

– А Даль’Лоран? – более живо спросила Закареш.

– С ним было труднее. Но самую малость, – судья зажал ладонью подбородок. – Он так сильно помешан на праведности и благочестии, полном исполнении религиозного закона. Но вот незадача, мало кто знал, что он не соблюдает шестьдесят пятый и шестьдесят шестой пункт Аркских максим⁵. – Штеппфан чуть-чуть поправил шляпу. – И после того, как я ему сказал, что в высших эшелонах аристократии может прослыть слухок, что он не столь ревностно исполняет заветы Мальфаса, он тут же ретировался, сказав, что и скидку тебе даст.

– Ещё раз говорю тебе – «спасибо».

– Я был рад тебе помочь, – кивнул судья, обрадовавшись лёгкой улыбке хранительницы. – Они может и мнят себя чистыми эндеральцами и ревнителями закона, но что-то в них...

– Прогнило, – точно завершила фразу Закареш, поправив сапфировую рубаху. – И удивительно, что ты не разделяешь

⁵ Аркские максимы – свод этико-религиозных предписаний, которые были сформулированы Первосвященником и кругом жрецов на основании писаний и «столпов праведности» для более лучшей регуляции жизни населения. В круг регулируемых вопросов подпадает крайне широкий пласт жизни – от потребления пищи, правил ношения одежды и до молитвенных правил, правильного подношения жертв и почитания Светорождённых.

их шовинизма.

– Да, Калия. Я всегда тебе говорил – «будь ты хоть беспутный, хоть безупречный, главное – что внутри». А ты... хороший человек. В тебе много света, – сказав, Даль'Кир ощутил, как волнение отступило, он втянул воздух полной грудью, чувствуя свежий аромат травы.

– Спасибо. Мне приятно это слышать, – Закаresh потёрла плечи, в её глазах сверкнул мистический огонёк. – Но ты слишком мало меня знаешь, чтобы так говорить.

– Я знаю тебя, как девушку, которая не оставит в беде, поможет бедным. Всегда выслушает и поймёт, – Штеппфан уверился в себе. – Как прекрасную девушку.

– Спасибо, – Даль'Киру удалось поднять ей настроение. – Ты был в прошлом году на балу? И... каждый раз это бал-маскарад. Неужто ничего нового не могут придумать?

– Нет, мне там было делать нечего. Эта традиция поддерживается много лет. Большой пир был сменён балом, потому что он...

– Более помпезный, – подгадала Закаresh, сложив руки на груди.

– Ох, лучше бы они все эти деньги и пожертвования раздали тем, кто в Подгороде, – сказал Штеппфан, вспомнив, что некая приемлемая критика существующих устоев отчасти сделала изгоем среди всех эшелонов власти. – Он явно больше нуждается в этом.

– Я с тобой согласна. Почти тоже самое ты сказал мне по-

сле путешествия по северной дороге.

Калия слегка улыбнулась, вспомнив один из немногих моментов, когда ей пришлось выручать судью. Сколько бы хорошим обладаем меча он не был, каким воякой в прошлом не слыл, даже герой сражения за Пороховой утёс нуждается в помощи, особенно когда подле бывшего лейтенанта нет его боевых товарищей, а его стремятся убить сектанты «Братства тюльпана» из эндеральских ересей⁶. Штеппфан должен был самолично доставить решение Трибунала Бореку из Фермерского побережья. Лендлорд судился с Золотым серпом и из-за важности этого дела, Трибунал поручил доставку самому судье. Закареш и ещё несколько послушников и хранителей отправили в помощь наёмникам, но они даже не могли и представить, что сектанты могли устроить засаду. Давно он так не сражался. Вдвоём, прикрывая друг друга и помогая, защищая от кинжалов и топоров, помогая и не давая ранить, они противостояли безумному наплыву отступников. Наёмники были раздавлены численностью еретиков, которые ещё смогли и как-то пару ватиров приручить. Несколько часов Штеппфан и Калия бились спина к спине, не желая отдавать жизни задёшево. Только подошедшие на помощь солдаты стражи Арка смогли поставить точку в

⁶ Эндеральские ереси – общие название культов, движений и сект, появившихся на территории Эндерала за последние 20 лет, противостоящих учению Культа Светорождённых. Состав мятежных религиозных движений был очень разнообразный – от некромагов и опальных философов с коммунами вольных нравов до отступников-жрецов, создававших тоталитарные секты.

противостоянии. После этого Тручесса решила покончить с угрозой культа и зачистить дорогу от налётчиков.

– Спасибо тебе, Калия, – на этот раз разошёлся благодарностями Даль’Кир. – Благодаря тебе я сейчас стою пред тобой, да и вообще жив. Мало сейчас есть людей, которым можно довериться.

– Согласна. Что в Святом ордене, что вне него... нет людей, которые тебя готовы принять, если нет этой чудесной благородной приставки «Даль».

– Я тебя понимаю.

– Вообще меня мало кто может понять. Ты сам говорил, что главное – то, что внутри. Но ведь, – голос Закаresh затрясся. – Ты не знаешь, что внутри меня. И лучше тебе не знать, поверь.

– Что бы не было внутри человека, главное – принимать его таким, какой он есть, – поддержал её Даль’Кир. – Я приму всё, что внутри тебя.

– Мне приятны твои слова, Штеппфан.

После отвлечённых разговоров, судья всё же почувствовал себя немного увереннее. Они дошли практически до колонн «столпов праведности»⁷, между которыми проходят

⁷ «Столпы праведности» – 24 заповеди, являющиеся корнем учения и религиозной жизни для эндеральского канона Культа семи, принятые ещё со времён основания Святого ордена. В честь них были поставлены 24 столба, держащие каменную крышу над лестницей к «Оку ветров», ставшие символом идеи, что любое колоссальное и сильное государство держится на религии и вере. 24 заповеди – основа основ для жрецов Светорождённых и их учений, ставшим удобным

самые торжественные религиозные службы. Дальше только «Око ветров», а значит больше медлить нельзя. Странно, но одна лишь мысль о том, что ему придётся сделать к ней шаг ближе, вызвала странную бурлящую тошноту, в груди всё стянуло, колени готовы были подломиться, но пущим усилием воли он смог подавить в себе шквал противных эмоций.

– Так, – остановился Штеппфан, приложив колоссальное усилие воли он смог подавить страх; его пальцы слегка обхватили чуть-чуть оголённые плечи Закареш, а взгляд сошёлся с глубоким пронизательным взглядом девушки. – Я-я приглашаю т-тебя на сегодняшний б-бал-маскарад. Пойдём со мной, – несмотря на прилагаемые силы его голос продолжал дрожать. – Я тебя очень прошу, согласишься.

– Я не могу, – покачала головой Закареш. – Эти... большие собрания не нравятся в них. Я намного лучше себя чувствую одна.

– Калия, не отказывайся. Я обещаю тебе, что рядом со мной ты не почувствуешь себя плохо на балу, – голос Штеппфана лихорадило, Закареш кожей рук ощущала лёгкую тряску его ладоней. – Всё будет хорошо.

– Даже не знаю. Я верю, что ты мне поможешь, но... всё равно сомневаюсь в правильности. Бал не для меня. Я лучше это время потрачу на медитацию.

– Мне встать на колени?

– Нет.

– Почему ты хочешь, чтобы я составила тебе компанию? Разве я такой ценный человек, чтобы ты выбирал именно меня?

– Да. Калия, ты единственный человек с которым я смогу там чувствовать себя хорошо, – парень немножко позволил погладить её по предплечью. – Если не хочешь, не иди, я не даю на тебя. Просто... я хотел бы быть там с тобой.

– Ладно. Хорошо, Штеппфан. Но... я буду не одна.

– А кто ещё? – смутился Даль'Кир, в груди воспламенился лёгкий зной смущения и неприятия.

– Друг... со мной будет друг. Но я, – она коснулась руки судьи, лёгким усилием намекая, чтобы он отпустил её, – обещаю пару танцев тебе. У тебя есть же приглашение?

– Конечно есть, – убрал руки Штеппфан, чувствуя сладкую дрожь от прикосновения.

– Как же ты меня узнаешь?

– Я думаю, – с волнением Даль'Кир взял девушку за запястье и поднёс серебряный браслет, зловеще сверкнувший гранатовым отблеском, – я узнаю тебя по нему.

III

Тяготы великих

Обитель. Тринадцать часов дня

В просторном роскошном зале собрались по истине безраздельные правители Эндерала, обличённые безграничной властью и держатели колоссальных ресурсов. Храм солн-

ца, посвящённый Мальфасу Солярному⁸, стал и штабом для Святого ордена, который является центром, стержнем властной структуры континента. Аристократические дома запада, лендлорд севера, торговые корпорации и купеческие кланы востока – все они крутятся вокруг Ордена, как планеты вокруг солнца, обязаны ему повиноваться и следовать его политической и духовной воле. Орден, созданный самим Мальфасом из своих сторонников, приведённых в земли востока, обязан блюсти чистым и праведным феодалом своего бога, что он и пытается делать из последних сил.

У резного лакированного престола, обитого мягкой тканью, на фоне глобуса Вина стоит высокий мужчина. Мифриловая отделка его атлетического панциря сверкает в свете фонарей и свечей, от которых поднимаются дымчатые струйки. Седая голова отяжелена золотистым оливковым венцом, ставшим символом власти грандмастера. Он обернулся, его угнетённый морщинами лик обратился к женщине в таком же доспехе. Алый плащ за спиной дёрнувшись, зашуршал, пальцы сомкнулись на подбородке, потирая бородку и являя перстень из аэтерниса⁹ с рубином.

⁸ Мальфас Солярный – аспект Мальфаса, посвящённый солнцу. Мальфас, как «солнце правды», как «путеводное и единственное солнце» или Мальфас, как «дающий свет» был прославлен грандмастером Аврелианом, который ввёл почитание солнца и Мальфаса в систему единых ритуалов, объединив эти две фигуры. По настоянию Аврелиана были написаны богослужебные песни и литании Мальфасу-солнцу.

⁹ Аэтернис – металл, который впервые научились получать кузнецы из расы

– Натара, твои отчёты... удручают, – уста распахнулись, неся тихую речь. – Как мы могли такое допустить? – он сделал пару шагов в сторону длинного мраморного стола, протянувшегося на всю длинную залу и склонился над листами пергамента, вопящими строками и абзацами об удручающей обстановке. – И в преддверии праздника Звёздной летней ночи. Праздник славы Святого ордена, его начала... омрачён такой обстановкой.

– Арантеаль, ты сам понимаешь, – женщина упёрла руки в бока, забренчав наручами о латы, задев пару тканевых подвязок. – У нас слишком мало ресурсов, слишком мало солдат, слишком мало денег. Хотя на праздник ты потратился знатно, Теалор, – укорила Тручесса грандмастера, почесав насыщенный чёрный волос, убранный в шишку на затылке.

– Вот, – он подхватил один из рапортов. – Недокомплект полка в Речном больше сорока процентов. У них нет ни пушек, ни пороха, ни оружия. Башни мирадов без надлежащей охраны. Флотские соединения лишены орудий, ремонтных материалов, торговые суда не могут обеспечить конвоем.

– Арантеаль... прошу.

– И светоч, Натара. Нужно больше материалов, – с фанатичностью заговорил грандмастер. – Ты знаешь, какой угрозе мы противостояем. Если понадобится, я готов увеличить

аэтерна, имеет золотистый оттенок. Отличается повышенной гибкостью, лёгкостью, а также большей лояльностью к магии, нежели другие материалы для изготовления брони и оружия.

налоговую ставку на пять процентов для горожан и семь для крестьян, чтобы собрать денег для материалов и изысканий.

– Теалор, хватит...

– И ещё, – Великий магистр подхватил ещё один отчёт, будто бы не слыша Тручессу.

– Арантеаль, прошу, давай обойдёмся без этого, хотя бы в преддверии праздника! – едва ли не умоляет Натара, перебив его. – Я хочу отдохнуть, – её рука провела по небольшой маске на столе, которая похожа на морду львицы. – С шести часов утра я только и занимаюсь, что эти долбаным планированием. Выстави караул, назначь патрули, определи усиленную дневную и ночную стражу и обеспечь охранение знатных особ. Может для тебя это и праздник, а для меня – самый настоящий геморрой. Кто-то празднует с утра, а я только и занимаюсь тем, чтобы никакая сволочь не испортила праздник.

– Хорошо, – покачав головой, выдохнул грандмастер. – Прости. Просто... в последнее время всё слишком странно и тяжело. «Прорицатель» где-то бродит, северные земли кишат беспутными, да и денег практически нет.

– Арантеаль, а ты пойдёшь на бал или проведёшь праздник в обнимку с этой кучей металлолома на которую вы едва ли не на ладан дышите? – съехидничала Натара, взявшись за маску и скрыв иссушённое годами лицо за образом гордой и статной львицы, украшенной узорами золота.

– Конечно. Должен же я что-то там... сказать.

– А Джорек Бартарр почему решил променять бал на боевой выход? – Натара наша небольшое зеркальце, став любоваться собой. – Он себя убить захотел у Дюнного вместе с целым взводом стражи?

– Если кто-то и убьёт Джорека, то это его зависимость к светопыли и услугам... «Красного фонаря» в Подгороде, – мрачно произнёс Арантеаль. – Ну или я, если он не бросит эту гадость...

Спокойное обсуждение проблем Эндерала было разбито возмущением. В большой роскошной зале, уставленной мебелью, шкафами с книгами, увешанной алыми стягами, появилось пару новых мужчин, облачённых в зелёные одежды. Первый – пышнобородый старик в стихарчатой рясе изумрудного цвета долины Фастрид, похожий на жреца, если бы не его воззрения. Рядом с ним идёт смуглый парень с аккуратной бородкой, одетый в длинную стёганную куртку в пол, поверх которой звенит кольчуга, обтянутая на поясе широким зелёным шарфом.

– Вы издеваетесь, сожри вас огонь! – ярким ругательством и криком обозначил своё пришествие новый участник разговоров, дёрнув себя за бороду. – Арантеаль, чтоб тебя леоран забодал, я согласился тебе помогать остановить очищение, а не участвовать в вашем утреннике! Я похож на скомороха!?

– Константин, – поднял голову Теалор, тяжело произнеся его имя. – Я всего лишь попросил тебя на празднике показать что-нибудь фееричное, не более того. Не принимать ве-

ру. А...

– Я понял тебя! – импульсивно оборвал того старик, между пальцами распахнутой ладони пробежало магическое пламя. – Но я не фокусник, чтобы выступать на ваших плясках. Я – учёный, а не факир на рынке.

– И тебя даже деньги не убедят? – спросила Натара.

– Деньги!? Я похож на портовую эрофинскую шлюху, чтобы отдаться за деньги!? Да не за какое серебро или золото!

– А Лишари говорила, что тебе нужны пару золотых, – Арантеаль стал мягко давить.

– Ах Лушиши, – привычно исковеркал имя Константин. – Только она не понимала, что я не возьму ни монеты от вас. Я работаю с вами только ради того, чтобы не сгорели в огне апокалипсиса все здравомыслящие люди и аэтерна.

– Неужто Джеспар нам солгал, говоря, что ты бы быть хотел на празднике? – слово взяла Натара.

– У Йозефа мало ума! Его мозгов хватает разве только баб тискать, да наёмником работать, – Константин хлопнул, развеяв пламя меж пальцев. – Да, я там буду. Но только для того, чтобы выпить хорошего вина. Не более того.

– Прошу тебя, Огнеспых, – стал напирать грандмастер.

– Нет!

– Я дам тебе доступ к засекреченным хранилищам архивов, а также предоставлю изучение особо охраняемых пирийских артефактов, – быстро произнёс Теалор, его взгляд продолжал буравить Огневспыха, который ради науки был

готов на всё.

– Ладно, хорошо, – Константин за пару сблизился с Теалорм, и ткнув пальцем ему в лицо, грозно сказал. – Но только в этот раз.

– Вот это будет представление, – пробурчал Юслан. – Сам Константин Огневспых возле статуи Мальфаса на пару с Первосвященником будет на религиозном празднике народ развлекать.

– Заткнись, Юлан! – развернулся старик, разведя руками. – Догадайся, кто мне составит компанию!?

– Твою мать...

После небольшого вторжения Константина в зал прошло ещё две персоны. Первый – высокорослый златокожий аэтерна с зализанной назад выпренной причёской, чьё достоинство помимо высокого ума и эрудиции – бело-серый выглаженный костюм – френч, с завязанным пышным жабо, слегка прикрывающий обтягивающие брюки. Один глаз смотрит на мир через большой круглый монокль в золотой оправе. А второй – парень в чёрном пальто с фетровой шляпой.

– Мессир грандмастер, – выверено заговорил пришедший Мерраджиль. – Этот человек хотел с вами обсудить важный вопрос, как он сам выразился.

– О, святое солнце, – покачал головой грандмастер, устало взглянув на пришедшего Штеппфана. – Тебе что понадобилось, младший судья Трибунала?

– Мессир грандмастер Арантеаль Теалор, – с волнитель-

ным официозом заговорил Штеппфан, впившись взглядом в морщинистое лицо. – Я прошу вас выдать мне приглашение на сегодняшний бал-маскарад, который пройдёт в аркском театре.

– Ох, а почему не запросили официальным письмом?

– Вы же знаете, что прежде чем ответят, месяц после праздника пройдёт.

– А что же твоя фамилия? – Арантеаль сел на массивный резной трон, над ним грозно нависала гранитная статуя ангела. – Приставка «Даль» не даёт тебе права просто так войти?

– Вы знаете, что моя фамилия не такая благородная. Боюсь, я не родился ни в одном из шести знатных и наиправеднейших домов¹⁰.

¹⁰ Шесть знатных и наиправеднейших домов – шесть семейств, стоящих выше всех в аристократическом устройстве Арка. Несомненно, что Эндералом правит Святой орден и Культ, но третьи после них – знать. Именно многочисленная и богатая аристократия стала третьей основой общества по крайней мере западного Эндерала. Именно большие знатные дома держат торговые компании, банки, мануфактуры, крупные аграрные, добывающие и производственные предприятия. Именно аристократия составляет многочисленное гражданское чиновничество, формирует поместные суды и управляется с текущими делами. Именно она пополняет Святой орден новыми рекрутами, которые впоследствии могут стать хранителями. Тридцать пять семейств, с тесными связями между друг другом, держали всю полноту той степени власти, которую им отвёл Святой орден. Со временем из её чреды выделились семьи, которые обладали большим богатством, наиболее аристократичными замашками, заявляли о большем благородстве и утверждали, что они наибольшие праведники. Шесть семейств стали организаторами жизни чуть больше трёх десятков знатных родов. Даль'Верамы, Даль'Гейссы, Даль'Мерсеры, Даль'Миты, Даль'Лораны и Даль'Сайи стали центром гражданской политической жизни в стране, удерживая самые прибыльные

– Нет, – отрезал Арантеаль, Штеппфану показалось, что внутри него лопнула струна. – Я не стану тебе ничего давать. Ты особо ничем не выслужился пред Святым орденом, чтобы быть там, – Теалор сделал жест рукой, словно отмахиваясь от Даль’Кира, как от мошки. – Иди отсюда.

– Ну пожалуйста. Мне нужно там быть, – Штеппфан сделал шаг ближе к Арантеалю, заставив охрану, расставленную по углам, насторожиться – ладони осторожно потянулись к рукоятям мечей, но Тручесса дала знак, чтобы те успокоились.

– Не ерпенься Арантеаль, – на последок фыркнул Константин, прежде чем уйти. – Ты же меня затащил на этот балаган! Он чем хуже!?

– Достопочтеннейший мессир Арантеаль, – слово взял Мерраджиль, сложив руки за спиной. – Прошу вас проявить благоразумие. Он в прошлом помог Святому ордену, когда доставлял одно из решений... вынесенных в нашу пользу. Думаю, мы можем один раз пожертвовать нормами протокола безопасности и нашими традициями, чтобы наградить одного человека.

– А что так, Лексиль? – усмехнулся глава Святого ордена. – Что это сам архимагистр просит за какого-то младшего судью Трибунала?

и многочисленные компании, имея в распоряжении тысячи слуг и полки наёмников, отличаясь исключительным благочестием. Влиятельней них только жречество и Святой орден, а на востоке с их властью спорят торговые кланы Дюнного.

– Мессир Арантеаль, покорнейше вас прошу обратить внимание на мою просьбу, – с выдвинутым смирением заговорил Даль’Кир, – что вам стоит выписать ещё одну бумагу?

– Парень, – рядом с Штеппфаном встала Натара, она посмотрела в нефритовые глаза Даль’Кира. – Скажи, там же кто-то будет? Тот, с кем бы ты очень хотел увидеться?

– Да. Откуда?

– Я вижу это по твоим глазам. Не каждый день к грандмастеру приходят клянчить с особым упорством какое-то приглашение. В конце концов, что ещё младшему судье делать на религиозном празднике, который не замечен в благочестии, – вплела упрёк Натара в свои слова. – Вообще, тебе за то, что ты столь дерзко игнорируешь правила пятого Дюннийского собора и Золотые постановления Первосвященника, тебе нужно выдать неделю жёсткого покаяния!

– Да ладно вам, мадам Тручесса, – поднял ладони Штеппфан. – Я правоверный Эндералец! Я каждую неделю бываю на храмовой службе. И воздаю молитвы Семерым, и отдаю двенадцатую часть достатка в жертву.

– Ладно, есть в тебе какое-то благочестие, – Натара встала возле трона Теалора, облокотившись на него. – Это девушка?

– Вы столь проницательны, мадам, – взглянул на ухмылку женщины судья.

Арантеаль чуть наклонил голову. Штеппфан услышал язву презрения и пренебрежения в его речи:

– То есть, ты, какой-то младший судья, пользуясь своим худородным происхождением, и тем, что ввёл в заблуждение архимагистра, решил озвучить ничтожную просьбу самому грандмастеру Святого ордена? – стал сгущать краски Арантеаль. – Ты знаешь какая это дерзость?

– Вы совершенно правы, мессир грандмастер.

– И ты смеешь приходиться сюда с этим? – искажил лицо и голос в неприязни Арантеаль. – Особенно, когда осознаёшь это? Ты понимаешь, что прийти с какой-то мелкой просьбой, игнорируя наш статус божественных посредников, наплевав на законы, постановления и нормы, опирающиеся на писания, это немного... похоже на дерзновение?

– Это, несомненно, плохо, – кивнул Штеппфан.

– И ты сюда пришёл ради... дамы?

– Да.

На миг Штеппфан себя почувствовал, как под насекомое лупой. Возле него правитель континента, его наместница и архимагистр – самые могущественные фигуры страны. Двое из них смотрят на него с призраком усмешки, презрения.

– Ох, то есть ты, чтобы потешить собственные чувства, решил обратиться к посредникам божественного Мальфаса?

– Да, – с голосом обречённого твердит Штеппфан. – Но если, и бог внемлет молитвам своих рабов, то не тем более ли и его посредники должны обратить внимание на их беды? – приметив неодобрительные взгляды Даль'Кир стушевался. – Простите.

– Да тебе сами боги, видимо не страшны, – строго обозначил Арантеаль.

– Мессир Теалор, – поставленный голос Лексиля развеял уничижительную строгость. – Сдаётся мне, мы не должны быть столь категоричны к просьбам своих некоторых слуг, пускай их благородство не столь высоко как у шести знатных домов. Он ведь тоже имеет право быть там, он тоже благородных кровей. В конце концов, он имеет право получить хоть какую-то награду за то, что спас нас от полнейшего разгрома у Порохового утёса и вытащил результаты исследований.

– Ах, вы про этот позор? Сучьи дети, – разгневалась Натара. – Мы не думали, что нас так легко обведут вокруг пальца.

– Так это ты тот лейтенант, который отказался от награды? – поднял бровь Теалор. – Мне про этот случай рассказывали. Во истину ваши свершения благородны.

– Арантеаль, дай ты это приглашение мальчику, – смиловилась на этот раз Натара. – Судя по всему он сохнет по ней и если ты не дашь ему бумажку, парень не выдержит. Да и его дерзость безобидна и мила. Её можно вознаградить.

– Ладно. Хорошо, – был «сломлен» совокупным давлением грандмастер, он встал и склонился над пергаментом, роцчерком пера явил на свет пару строк – приказ самого владыки эндеральского о доступе на мероприятие. – Но только в этот раз и в честь такого знаменательного праздника.

– Спасибо, – цепко схватился за пергамент Штеппфан,

словно за брошенный канат.

– Только в канцелярии не забудь печать поставить. Не хватало, чтобы бюрократические заморочки стали причиной... чьего-нибудь инфаркта.

Штеппфан поклонился и спешно направился к выходу. Он быстро оказался снаружи, подставив лицо прохладе и колко-душистому дымному смогу, парившему над королевской горой. В ладони сжималась сокровенная бумага, дарившее удивительно глубокое ощущение тепла.

И секунды не прошло как позади него встал высокий, интеллигентно одетый мужчина, от которого веял лёгкий аромат насыщенных духов. Он снял монокль и небольшим платочком стал его тереть до скрипа, тихо и выдуманно говоря:

– Это единственный храм под открытым небом на всю страну. Вот как четыре тысячи лет он стоит и хранит мир в этих землях. Ни что не поколебало его – ни первый мятеж Килры, ни восстание Киланы, не нынешний хаос в этих землях. Я надеюсь ещё застать те времена, когда Эндерал вновь расцветёт, как во времена Аврелиана.

– Всё ещё будет, – бодро произнёс Штеппфан. – Всё ещё будет.

– Что ты станешь делать теперь? – спокойно спросил Лексиль.

– Приглашу её. Что ж ещё? – улыбнулся Штеппфан, трепетно предвкушая миг, когда он сможет взять её за руку, закружить в танце под проникновенную музыку бала.

– Пойми, нужно не просто сводить её на танец, – рассудительно заговорил Мерраджилль, приложив монокль к глазу. – Добрая часть хранителей и послушников то и дело, но шепчут о том, что какой-то судья уж слишком часто общается с Закареш. А помимо этого у неё есть... «друг». Не подумай, я желаю тебе добора и понимаю искренность и глубину твоих чувств. Тебе нужно сказать ей о том, что ты чувствуешь к ней. И сегодняшней бал-маскарад отличный шанс – это сделать, – слова архимагистра с пением молитв принесли новую цель для Даль'Кира, желанную и тяжело исполнимую. – Скажи, какие чувства овладели твоим сердцем и пусть она тебе ответит то, что думает о этом. Не думаю, что эта девочка тебя обидит, – ладонь Мерраджиля хлопнула по плечу судьи. – Действуй.

IV

Бал звенящий, сердце поющее

Двадцать три часа, тридцать минут.

Арк гудел, ожидая прекрасного мероприятия, которое должно начаться с минуты на минуту. Престольная служба в Храме солнца завершилась, Первосвященник и жрецы, вместе со знатью и могущественным купечеством, провели три часа в молитве пред Мальфасом, испрашивая благословений во всех делах. Сложная ритуалистика богослужений искусно переплеталась с чтением священных писаний, преданий и с хоральным пением литаний, кондаков и гимнов, взывая к самым глубинным чувствам в душах людей и аэтерна.

Небо прекратило рыдать в трепетном преддверии праздника, словно благоволя, говоря, что молитвы народа услышаны богами. С самой верхушки Арка, с вершин королевской горы на квартал знати разносились пения заключительной стихиры всем богам, которые исполняли семьдесят семь певчих с «Ока ветров». Они неслись вместе с удушающим едким и сладким дымом от бесчисленных каминов. С вершины уши настойчиво трепал молитвенный гул:

– О великолепный и крепкий Мальфас, благослови феодалов твой! Величественный и царствующий Тир, повелевай императорами, королями и царями мудро и даруй им премудрости! О наисправедливейшая Ирландия, благослови судей и всех судящих размышлять верно и нелицеприятно! О умнейший и в науках великолепнейший Салдрин, даруй учёным и учащим знаний! О наискуснейшая Морала, благослови на честность и богатство торгующих всех! О благословенная Эсара, в твоей власти память и просим тебя – укрепи её у благоверных и отними у врагов света! О сильнейший и мудрейший Эродан, благослови земли неримские и даруй всем жрецам всех каноников, нести слово праведное и верное, точно исполнять богослужения и возжги пламя веры во всех неверных!

Пока верхние кварталы пребывали в молитве, вере и благочестии, рынок, обитель чужестранцев и южные пределы столицы утопали в веселии и празднестве, которое гремело на всю округу. Такого размаха не увидит ни сельское Речное,

ни обитель ферм на севере, ни загадочное восточное Дюн-ное.

Штеппфан, поднимаясь ввысь по лестнице, оглянулся и через глазные прорезы перистой маски увидел весь разгул, с которым пустился в пляс народ Арка. Темень ночи была рассеяна, заменена на день, сотворённый искусственным светиллом багряного цвета, заливающий всё пространство тускло-пунцовой пеленой. Четырёхконечный символ праздника, сотворённый сильнейшими магами, торжественно пламенел над торговой площадью, внушая трепет и радость.

Даль'Кир видел и пляшущий народ, предававшийся страстным танцам – мужчины и женщины плясали возле взвившихся костров, прыгали через них, загадывая желания. Бесчисленные столы ломились от яств – Арантеаль и Совет распорядились поставить вино, пиво, эль, мясо, сыры и хлеба и не скупилась на количество. Аромат дешёвого алкоголя, смешанный с запахом жаренной говядины, леоранины и свинины сводил с ума и будоражил. Из таверн вываливались пьяные тела, временами им «помогали» выйти охранники, передавая в руки ночной страже. Чуть прищу-рив взгляд Штеппфан увидел, как в некоторых тёмных углах, щелинах между зданий, под укрытием оставшегося мрака и пышных кустов, мужчины и женщины в пьянящем сладострастии и жарком влечении припали к вкушению запретного плода обманчивой «любви». Только стражники, воины в бело-красном сюрко, подобны каменным статуям, бесстраст-

но взирающим на праздник.

И по всем улочкам так и летели шаловливые и разгульные песни:

– Поднимайся аркчанин озорной
Пить будем под красною звездой
Вставай на праздник народ лихой
Побалуем себя орденской едой.
Вот жрец в атласной рясе,
С брюхом, что взрастил на халявном мясе,
Пинту вздел над столом,
Славя Мальфаса вином.

«Если тут делается такая степень разгулья, то что же творится в Подгороде?», – спросил себя Штеппфан, находя ответ, полный печали и досады, ибо в любой праздник или траур нищий, обездоленный и лишённый всякого света справедливости Погдоррод будет одинаков – убог, мрачен, разбит и убийственен.

«Пора...», – воззвала мысль в уме судьи, и он пошёл дальше, оставив разгулье на волю распутства и пьянства.

Штеппфан ещё раз оглядел себя. Карминовый оттенок ложной звёзды ложился на кожаный жакет, рукава которого были украшены узорами длинных чёрных перьев. Его шёлковые брюки уходили под высокие, начищенные до зеркального блеска сапоги. Лицо скрыто за тенью шляпы и маски, которая символизировала вестника горьких новостей.

Он медленно подходил к Вечному театру – сосредоточе-

нию культурной жизни Эндерала. На последних ступенях, пред воротами, украшенными цветами, его настигла мысль – «почему?», которая тут же была развеяна, когда его едва не сбили с ног:

– Простите мессир! – крикнула парочка – мужчина и женщина, держась за руки, в дорогих сапфировых костюмах побежали дальше.

«К чему... Закареш?» – понуро подумал Штеппфан, снова и снова возвращаясь к тому вопросу, почему его сердце прилепилось к хранильнице, его взгляд застыл на убегающей паре, будто он что-то в них нашёл.

Он вспомнил, что среди многих бесед часто находил помощь, что ему только следовало поделиться своими проблемами и душевными терзаниями, так он сразу находил поддержку. Помимо этого, его сердце грело то, что он сам мог ей помочь – делом, или словом, когда она не знала кому выговориться. Отчасти их сближало и то, что оба они изгой среди высшей власти Эндерала, которая отвергает всех беспутных или излишне критичных.

«Что, какой механизм в душе вызывает к этому?» – стал копать Штеппфан, сейчас же его взгляд упирался в пустоту. – «О Семеро, будьте милосердны, ответьте – что заставляет сердце гореть по другому человеку?».

На память пришёл и другой случай. По-своему безумный, но ставший проявлением исключительной «логики» эмоций... внешне лишённый смысла, но наполненный им, если

подумать о причинах. Среди пальцев промелькнул конверт, письмо, ставшее символом шуток души или явно нездорового чувства юмора какого-нибудь духа, или «бога влюблённости»¹¹. В общении через перо и строки он тоже нашёл родственную душу, тоже нашёл ту, которая зажгла в его сердце огонь. В тот раз, год тому назад, сила и яркость чувств была настолько сильна, что вдохновлённый ум даже плёл стихи... но сейчас ли об этом думать?

Выкинув все размышления о чувствах, безмерно радуясь тому, что ему представился редкий шанс встретиться с Закареши в неформальной обстановке, шанс, проявить к ней всю глубину чувств, шанс показать и доказать ей, насколько она дорога. И он решился сделать. Сегодня или никогда более он расскажет ей о том, что его сердце стягивает долгий и болезненный год.

Поднявшись, он просочился среди дюжины воинов усиленной группы охранения, которая обращена к городу блеском начищенных ростовых щитов и остротой копий. Даль Кир поднял голову и увидел, как кутаясь во мрак ночи, на парапетах и стенах расставлены караулы из арбалетчиков и лучников.

Квартал знати встретил его более сдержанным и офици-

¹¹ «Бог любви» – условное обозначение того или иного Светорождённого, который отвечал за любовь в том ином каноне Культа. К примеру, на островах Киле любви покровительствует Морала. В Эндерале это Мальфас – покровитель семьи и чувств, ведущих к ним. Так же, злая влюблённость, порочная, трактуется одними жрецами как болезнь или страсти, другими, как происки злых духов.

альным «приветствием». Тут он не увидел шумных гуляний, только пара менестрелей тянули сладкие длинные мелодии, публично молящееся жречество, призывающее к праведности, и множество народа в роскошных вычурных костюмах и масках, спешащих к Вечному театру.

У входа в довольно большое здание, выложенное из серого камня и украшенного гирляндами, лиан из цветов, а также светильниками столпилось множество аристократов. Солдаты, возглавляемые хранителем в рельефной броне с пышным атласным плащом не пропускали абы кого, а остро-заточенные палаши на поясах, потрескивающие электро-магическим зачарованием, способны охладить самые буйные головы. Пройти можно только если фамилия есть в списке или при наличии «волшебного» документа. Глубоко вдохнув, ощутив першение в горле от облаков ладана, Штеппфан шагнул вперёд, став быстро подходить к страже, ловко лавируя между уймищей людей и аэтерна.

– Ваше разрешение? – остановил его стражник с геральдическим белым львом на табарде, сжав рукоять меча ладонью, обтянутой перчаткой.

– Конечно, – протянул заветную бумажку Даль'Кир.

– Так, не по официальной форме, – даже в ночи Штеппфан увидел недовольство на лице воина. – Есть подпись и печать, но это не заверенная форма.

– Мессир стражник, это личное распоряжение от гранд-мастера о допуске, – чуть ли не затрясся Даль'Кир.

– Начальник, – потянулся воин к полноправному брату Святого ордена.

– Пропускай, – отмахнулся хранитель. – Я видел, как он сегодня заходил к Арантеалу.

– Хорошо, – капрал вернул бумагу судье. – Хорошего праздника.

Покачав головой Штеппфан двинулся дальше. Он толкнул рукой дверь и оказался внутри вестибюля, который встречал его поразительной и даже избыточной роскошью. Золотые и серебряные бокалы в которые льётся вино и бренди из кувшинов, украшенных драгоценными камнями.

– Вина? – сходу приложил слуга в чёрном камзоле, подлетев с подносом.

– Хорошо, – взялся за бокал Штеппфан и коснулся губами края.

Нос не ловит аромата благовоний, его режет запах дорогущих духов, которые стоят как две или три месячных зарплаты простолюдина. Вместе со сложными свечными канделябрами из самого ценного металла свет дают и магические фонари, чья оправка сделана из позолоченной меди. Украшениями на стенах служили ценные картины, прикреплённые из хрусталя бабочки и несколько пылающих рубином глифов, написанных волшебными перстами. Зловещее сольное пение разносится откуда-то сверху, многократно усиленное заклятьем, перемежающееся со звоном колокольчиков.

– Ой, – едва не ударился в одного из выступающих

Штеппфан, он обернулся, чтобы рассмотреть жонглёра в пёстром костюме, кидающего шарики и развлекающего народ.

Все лица скрыты за масками, тела покрыты дорогими нарядами, мерцающими шёлком, атласом, сапфирами, гранатами и бриллиантами, сложенными в неимоверно сложные и дорогие костюмы. Тут он видел и шикарные дублеты с камзолами, и красно-белую форму высших офицеров Арка, выдававших аристократов с командирами гарнизона. Но несмотря на любые одежды, статусы, надменность голосов и содержание разговоров всегда одна:

– Вы слышали? Не так давно в Святой орден приняли чужеземца и даму с мутным прошлым. Какой позор для Ордена, это попрание всех наших священных традиций и устоев.

– Вы подождите, милсдарь, ещё пару лет и по кварталу знати будут расхаживать беспутные, а заготовители станут во главе стражи, и будут писать законы. Доколе ещё гранд-мастером будет пренебрегаться путь безупречных?

– Тише, мессир. Не должно это слышать агентам Аранте-аля.

Пройдя чуть дальше, протиснувшись между двумя выступающими в костюмах шахматной клетки, он услышал ещё один из диалогов, приоткрывающих мрачные реалии Вина:

– Не так давно получил известия из Нерима и Аразеала. Богоборческие силы активизировались. Повстанцы и еретики набирают силу.

– Не могу поверить, что такое возможно, – прикрыла рот девушка. – Но Рождённые светом покарают отступников.

С другой стороны, доносятся более пессимистические разговоры:

– Поговаривают, что Святой орден оставит провинции севера. Морозные горы, Тёмную долину и север Сердцеземья больше нет сил удерживать.

– К чему катится этот мир? Скажите мессир? Поговаривают, что на улицах Аль-Рашима идут жестокие бои! Сектанты из культа «Серого песка» восстали. Но золотая гвардия и ассасины раздавят это движение.

Штеппфан, проталкиваясь через людей, стал подниматься вверх пол лестнице, оставив опустевший бокал на одном из подносов. Последний выхваченный разговор возвещал о новой надежде:

– Кстати, вы слышали новости? Говорят, что некий выходец из Святого ордена, бежавший на север, вернулся. Он собирают люд, чтобы возродить могущество Эндерала.

– Я думаю, его предприятие не возымеет успеха.

Вскоре Даль'Кир оказался внутри самого театра, наполненного сливками сливок эндеральского общества. Дух захватывало от пышности и торжественности, ибо к празднику театр был кардинально переделан. Пол был застелен чёрно-белой гранитной плиткой, стены покрыты бардовой атласной занавеской, подле которых выставлялись мраморные статуэтки людей, держащие канделябры с колдовскими

насыщенно-фиолетовыми огоньками, создавшими чудесную томную обстановку. Задняя перегородка убрана, что позволило увеличить пространство для танцев чуть больше, чем вдвое, весь реквизит утащен в хранилища. На ступенчатой площадке выставлены столики с дорожкой, но скудной закуской и богатой многочисленной выпивкой в хрустале. Слева, на аккуратном балкончике, устроились музыканты в чёрных камзолах и белых рубашках, мелодиями, подчёркивающими минорный вокал солистки. Околдовало всё – мистическая музыка, слепящие шиком наряды, приглашённые сильные мира сего на бал в чудаковатых масках, страшноватое соло исполнительницы, её жутковатый костюм, выступающие в разноцветных масках, звон колокольчиков от их номеров. Всё это врезается в память.

От осознания сего могла закружиться голова, но у него была цель, которая трезвит и помогает сохранять здравомыслие.

– Вина? – прильнул к нему слуга и Штеппфан воспользовался шансом выпить.

Оказавшись в главной пышной зале, взгляд стал бегать по всему театру в поисках одного единственного человека, но не мог её найти. Всё пестрело от цветов и количества света. Даль'Кир встал возле покрытого белой скатертью столика, заставленного множеством фужеров и бокалов, манящих янтарным аразеальским бренди и светлым неримским джином, рыская взглядом, всматриваясь в запястья.

И он её увидел, будто бы само сердце подсказало, куда смотреть. Дыхание перехватило от одного вида серебряного браслета на запястье, столь сладко манящим гранатом.

«Калия», – запела душа, но в тоже время нашла горечь, когда он увидел, кто рядом с ней.

Прекрасная стройная девушка одела платье, завораживающее цветом яркого пламени, украшенное рыжим мехом и роскошным пушистым воротником из лисы. Смуглые оголённые плечи так и влекли, руки до локтей были скрыты за перчатками с бархатными узорами. Её лицо украшено маской с лёгкой волосистой отделкой, символизирующей хитрое животное, а на груди сияло чудесное ожерелье из серебра и гиацинтов.

Но большее буйство гневных эмоций в Штеппфане вызвало присутствие высокого парня, который слишком близко стоял к Закареш. Тканевый френч как влитой ложился на статное и подтянутое тело, чёрная, обтянутая шёлком, маска орла, скрывала пригожее лицо. Его ладонь поднялась в медленном движении, погладив Калию по руке и плечу, что вызвало укол неприятной боли в груди судьи.

«Давай!» – словно кто-то мысленно толкнул его. – «Ради неё ты зашёл слишком далеко, чтобы сейчас ретироваться».

Он, слегка воодушевлённый алкоголем, решил действовать.

– Калия, – подошёл к ней Даль'Кир, даже чернота маски не могла скрыть неодобрения, с которым он смотрит на

незнакомца.

– Штеппфан, – оторвалась от статного мужчины Закареш, взглянув на серебряный браслет. – Ты узнал меня?

– Конечно. Я тебя узнаю и найду хоть три девять земель, хоть на далёком Скарагге, и как бы ты не оделась, – Штеппфан приложил руку к груди. – Дух подскажет.

– Какие милые слова, – подарили ей эти слова тёплую улыбку.

– Пойдём, пройдемся и поговорим, – трепетно прикоснувшись кончиками пальцев до осиной женской талии, его нос будоражил запах её фиалковых духов. – Я думаю, нам есть, что обсудить.

– Я тебя найду позже, – прежде чем уйти, Калия протянула пальцы мужчины, что отравило и перепутало мысли Штеппфана.

– А это кто? – вопрос не мог не быть озвученным, засевший иглой у горла; они сместились в сторону, встав у небольшого столика, где был разложен гилиадский сыр, мясо под красным остианским перцем и шафраном.

– Мой хороший приятель, – в её глубоких топазных глазах читалась радость. – Он тоже недавно стал хранителем. Он один из немногих, кто меня понимает, готова выслушать и помочь. Заботливый, умный и харизматичный.

– Конечно, – ощутил холодок в груди Даль'Кир, желая продолжить разговор, но он был прерван пришествиям двух человек.

На площадке бала появились новые фигуры, в мановении ока вызвавшие всеобщее внимание. Стуча каблуком сапогов по плитке, шагали мужчина и женщина. Парень в роскошной маске льва с шикарной имитацией гривы, из-под которой виднеется седая вычесанная борода. Его одежда – это длинный камзол, расшитый золотом и серебром, выглаженная льняная рубашка с узорами и пышное кружевное жабо из кирийского шёлка, короткие сапоги с символом Святого ордена.

Согласно протоколу бала, ведущий бала громогласно объявил пришедшего, называя все его титулы:

– Грандмастер Святого ордена, бессменный владыка эн-деральский, господин Арка и сюзерен Дюнного, повелитель востока, господарь Речного, Златоброда и Фогвилля, благодетель Подгорода, Теалор Арантеаль!

Все обратились в их сторону и отдали поклон грандмастеру, а глашатай продолжил возвещать титулы второй персоны:

– Тручесса Святого ордена, наместница владыки трона, держательница ключей Арка и архикомандорша всего флота Натара Даль'Верам!

После глубокого поклона грандмастеру, собравшиеся кивнули Тручессе. Женщина в шляпе-треуголке, лицом, скрытым за маской львицы, с закрученными в локоны чёрными волосами, коротком бардовом камзоле с широкими манжетами и чёрным кантом, в высоких сапогах, кивнула в

ответ.

По протоколу ныне предоставлено слово владыки Эндерала, который решил его сказать:

– Уважаемые, достопочтенные мессеры и дамы, – тихо заговорил Теалор и слова его разносились по всему театру, в полнейшей тишине внимавшему своему великому магистру. – Мы снова собрались на праздник Звёздной летней ночи, за что я вас благодарю. Даже в этот день я вас призываю не забывать долге, чести и верности Эндералу. Но и скажу – в эти беспокойные времена веселье на вес золота. Используйте этот вечер для того, чтобы радоваться. Так что танцуйте и веселитесь!

Штеппфан, ведомый чувствами, разогнанными алкоголем, осторожно взялся за запястье Калии, томно говоря:

– Первый танец – мой.

– Хорошо.

Медленная проникновенная музыка полилась с балкона, и парень с девушкой неторопливо закружились, как и множество других пар. Штеппфан осторожно прикоснулся к плечу Калии, клюв его маски мягко коснулся лисьего носа.

– Что ты во мне нашёл? – в ритме танца отшагнула Закареш. – Почему я стала первой девушкой, которую ты пригласил?

– Потому что ты для меня много значишь, – запнулся Штеппфан, волнения накатили гадким шквалом, рассеивая мысль. – Ты с-самая... пр-прекрасная девушка здесь. Во всех

смыслах, – собрался он, же закрутив даму.

– Но ведь ты слишком мало меня знаешь, – сблизилась с ним Закареш, уткнувшись чуть ли не грудь в грудь.

– Я знаю тебя достаточно долго, – в движении танца сказал судья. – И скажу тебе честно – более приятного и светлого человека я не видел.

– Это так мило, – мягко сказала Закареш. – Са’Ира,

– Я рад, что смог тебе поднять настроение, – волна тревоги связала язык. – С-скажи, у-у тебя есть, – вопрос был готов застрять в горле, но приложив максимум усилий воли он смог его озвучить. – Есть ч-человек, п-приятный с-сердцу?

– Какой интересный вопрос, – вскружилась Закареш, в прорезях лисьей маски промелькнул свет. – Прямо так, чтобы... близко... нет, – в очи судьи водворилась грусть. – Но есть тот, кто близко к этому.

– Ах, как это чудесно, – ответ обнадѣжил Штеппфана, сделав красивый реверанс у Калии, заметив, с какой нежностью она смотрела на браслет и на него... или это ему показалось.

Тем временем «Лев» и «Львица» сего праздника тоже предали танцу. Довольно нежно и тепло Арантеаль вёл в танце Натару. В какой-то момент каблук сапога Тручессы пошатнулся, и она чуть не упала, грандмастер притянул её к себе. Она уперлась ему в грудь, её ладони оказалась в руках Теалора.

Первый танец медленно подходил к концу, музыка нисходила на нет. Штеппфан поклонился Калии, когда проиграли

последние ноты мелодии.

– Мессирь и дамы! – громогласно ведущий бала, встав у небольшой кафедры на самом высоком ярусе, давая начало одному из новых пунктов протокола. – Теперь слово желает сказать вам сам Первосвященник Культа семерых.

Рядом с ним встал высокий полный мужчина. Красно-белая ряса блестела дороговизной, а поверх неё пурпурный стихарь сверкал серебряными нитями и бесчисленным количеством маленьких лазуритов, символизирующих звезды.

– Праведные и благочестивые жители Арка! – разнёсся басовитый голос Первосвященника, он поправил большой массивный символ колеса с семи спицами на груди. – Сегодня мы празднуем славный и великий праздник. Как нам говорит писание – «После этих слов Рожденного Светом Сельна обратилась к вассалам своим собственным голосом: «Возвращайтесь в это место через луну и приводите с собой свои семьи, чтобы мы могли собраться все до последнего человека. Мы будем вместе молиться, чтобы почтить Малфаса и заверить его в нашей вере». Так и мы – собравшись на бал, проводя время в танцах и питье, не должны забывать Мальфаса святого и его благословения, – верховный жрец Культа остановился, мысля о том, что он скажет дальше. – Будьте благочестивы и праведны, молитесь часто, давайте большие и богатые жертвы, которые умиловит бы богов. Мы не должны забывать, что изначально народ Арка собирался не в театре,

а в храме на этот праздник, ибо как повествует «Путь – «весь Эндерал появился и собрался перед храмом. Небосвод был освещен диким красным звездным огнем, и поэтому восьмая луна, которая завершила год этим праздником, была названа «Звездная летняя ночь».

Выслушав речь предводителя культа, народ чуть-чуть потерял в желании плясать. Грузные речи ввели людей и аэтерна сонное чувство, а ведущий решил перейти к следующему пункту:

– Дорогие гости бала, дальше благочестивому народу Мальфаса будет явлено представлено славнейших магов и наших неримских гостей!

Гости бала разошлись во все стороны, освобождая место для двух неримлян. Мужчина в зелёной атласной блестящей мантии, скрывший лицо за устрашающей щекастой маской бегемота, из-под которой выходит чудесная пышная борода. Второй же – темнокожий парень в элегантном изумрудном костюме, волосы заплетены в косы, осторожно показываются из-за зловещей маски, похожей на жёлтую пятнистую змею.

– Смотри, – Штеппфан показал на пришедших, протянув Калии фужер с белым стоунфилдским вином. – Это должно быть интересно.

– Ох, Константин и Юслан, – узнала их Закареш, приняв бокал, взявшись за пальцы судьи.

– Не стой столбом, давай! – рявкнул Константин.

Представление началось. Юслан поднял руку, увенчан-

ную шаром света. Из распахнутой ладони вырвалось мерцающее облако, которое сию секунду разлетелось сверкающей стайкой светозарных мотыльков, закружившись возле гостей. Штеппфан слегка поднял руку и одно из «насекомых» присело на его палец, затрепетав крылышками и осыпая пылью. Закаresh встала рядом, протянув ладони к этому чуду магии.

Выступление продолжил Константин. Коснувшись бороды он выдернул седой волос и обратившись к силе моря вероятностей превратил его в сияющий столп света, возле которого мгновенно собрались все мотыльки и закружились в удивительном и вихревом танце, отразившись мельтешащими огоньками в глазах собравшихся. Неримец в маске бегемота не оставил своего творения и взмахом руки слил насекомых и столп света, развернув его и протянув наподобие дуги от одного края до другого края театра. Хлопок в ладоши и сияющий полукруг распался на фракталы превратившись в самую настоящую радугу.

Юслан в маске мурены же продолжил номер и взмахом руки породил трёх огненных ангелков, которые оказались на вершине радуги. Поведя дальше, он призвал их спуститься, будто бы они покатались по норманнским ледяным горкам. Его визави перехватил ангелов и закрутил рукой, создав огненный ревущий водоворот, секундой позже свернув радугу и смешав с пламенным торнадо. Константин кивнул Ша'Риму, и он поднял обе руки с концов пальцев проведя к ним

нити света.

Взрыв! Это был самый настоящий контролируемый взрыв, заставивший народ запаниковать, но не оторвать взгляд от пылающего огня. Огненное облако мигом взяли Юслан и Константин, показав из мира магии легендарного зверя. Пламя обрело формы, существо распахнуло два кожистых острых крыла, четыре лапы угрожали пламенно-эфмерными когтями, длинная вытянутая морда красовалась острыми зубами и рогами, из пасти вырвалось облачко огня.

– Всё хорошо, он ручной, – успокоил всколыхнувшийся народ Ша'Рим.

Дракон грозно посмотрел на гостей. Когтистая лапа тронула грудь и в когтях появился цветок, блистающая синим огнём роза, которую взял неримец в маске бегемота и подал самому неожиданному человеку.

– Бери скорее, он не жжётся, – протянул цветок Штеппфану неримец, и судья аккуратно взял полыхающий цветок.

Он ясно знал, что делать с ним дальше и не секунды не думал, кому подарить. Даль'Кир уверенно шагнул в сторону молодой хранительницы и протянул ей искусство магии.

– Спасибо, – осторожно взяла её Калия, по толпе пронеслись дамские вздохи и перешёпоты.

Шоу Константина и Юслана закончилось, когда огненный дракон ещё раз взмахнул крыльями и мгновенно потухнул. Секундное замешательство в зале сменилось оглушающим всплеском аплодисментов, к которым присоединились Ка-

лия со Штеппфаном. Старик в маске бегемота, и парень в образе гнусной мурены поклонились, уступая место танцующим, которые уже стали сходиться под музыку.

Судья вновь захотел подступить к Калии, как был отодвинут высоким мужчиной, разделив его и её.

– Я приглашу даму на танец, – нисколько попросил, сколько требовательно объявил незнакомец и Калия сразу к нему потянулась.

– Конечно, – только и оставалось обидно кивнуть Даль’Киру.

Штеппфан недолго оставался один. Ему даже не дали успеть погрузиться во мрачные мысли.

– Не хотите ли потанцевать? – предложила девушка в чёрно-зелёном лоснящемся наряде, половину лица скрывала чёрная бархатная маска с красивыми ушками и усиками, выдающими красивую кошечку.

– Можно, – протянул ей руку Штеппфан.

На этот раз музыканты играли что-то торжественное и пышное, как сам бал. Даль’Кир осторожно взял одной рукой Лишари за талию, а другой потянулся к её ладони. Он подошёл слишком близко, случайно коснувшись тыльной стороной ладони её груди, вызвал смешливо-пьянцеватые возмущения:

– Хэй, судья, мы ещё слишком мало знакомы, – Лишари и Штеппфан стали ритмично двигаться, заходясь в кругах. – Что бы вы трогали меня тут.

– Простите, – выдавил парень, повинуюсь её усилию, на миг ему показалось, что эти именно Лишари ведёт в танце, а не он, до чего ему дела нет.

– Ничего страшного, – улыбнулась Пегаст, заметив вектор взгляда; с печалью он взирал на то, как какой-то мужчина крепко держит Калию, а она смотрела ему прямо в глаза, выражение её лица говорило о чудесно глубоком удовлетворении. – Я смотрю вы, мессир, полны тоски?

– Неимоверной.

«Ворон» и «кошка» продолжали танцевать, но Штеппфан избегал взгляда очей Лишари, даже не обращая внимания на её дорогушие ароматные духи. Пегаст же находила это иронично-минорным, ибо она сама чувствовала, что в танце – она главная и судья повинуется каждому её усилию, ему не интересно с ней танцевать. На миг ей даже стало его жалко, когда она сама увидела, как Калия намеренно или нет жмётся к парню, к которому явно чувствовала что-то сильнее, чем просто дружба.

– У вас очень интересный запах духов, – отметила знакомые нотки Лишари, осторожно ступая и стараясь не отдавить ноги Даль'Киру.

– Из Остиана, – ответил парень, не поспевая за ритмом «кошки».

– Вы были в закрытой части Нерима?

– Это подарок.

– Хорошо, – Лишари расслабила руку и отступила назад,

расторгая объятия и посмотрев на хранильницу, настойчиво явила мысль. – Штеппфан, если она тебе нравится, то сегодня самый лучший шанс, чтобы сказать об этом. Что бы, – грудь Пегаст вздыбилась от волнения. – Поцеловать её.

– Ты думаешь? – обнадёженно спросил Даль’Кир.

– Да, – погладила она по руке судью в дружеском жесте. – Я надеюсь, у вас всё получится.

Танец стал спадать, когда и музыка притихать, но для Штеппфана возникла удивительная мысль, ставшая и целью. У сердца всё запело, когда он её принял, когда только помыслил о том, что, что может сделать, а взбудораженный ум оформил её:

«Я должен её поцеловать, ну или хотя бы всё же сказать о том, что чувствую».

В театральной зале вновь заговорил ведущий, открывая новую страницу праздника:

– Мессеры и дамы, на этот раз предлагается проявить своё мастерство! – с этими словами на середину вынесли ростовую двухметровую мишень, а слуга нёс на подносе два арбалета. – Самый ловкий получит подарок! Кто решится продемонстрировать свою меткость!?

Первым вызвался молодой седоволосый парень, статный и высокий, красующийся дорогушим жакетом цвета лазурной синевы. Часть его лица скрыта за пушистой маской, богато отделанной коричневым мехом, сотворённой в форме дикого опасного животного.

«Росомаха», – угадал судья.

– Что ж, – погладил оружие Джеспар. – Думаю, что это не будет таким сложным.

– Кто этому мессиру составит конкуренцию?

Вызов принял другой парень. Штеппфан видел, как из чреды народа отделилась фигура в чёрном или тёмном аккуратном и не менее ценном костюме. Он подобен тени, каждый его шаг наполнен осторожностью, как у хищника. Пред тем, как мужчина в маске пантеры подошёл к подносам, его за руку взялась девушка. Даль'Кир только отметил её невероятную красоту и остроту рокового образа.

– Тараэль, будь осторожнее, – прошептала она.

Двое мужчин встали напротив ростовой мишени. Конкурс, обыденное веселье для благородных, открыли бывший аристократ и полуэтерна, который по стилю движения напоминает осторожного выходца из Подгорода.

– Стреляй давай, – предложил Тараэль, осторожно взяв приклад арбалета из чёрной древесины и подтянув его к себе.

– Что ж это вы даёте своему противнику шанс первым выстрелить? – усмехнулся Джеспар. – Спасибо за такое великодушие.

Странный полуэтерна сохранил молчание. Джеспар приставил приклад к плечу, втянул воздух и стал целиться. Листовой наконечник жадно сиял серебром, пока мужчина в маске росомахе пытался навести арбалет. Палец лас-

кал стальной язычок, воля давила тряску. Выдыхая, он ещё раз скорректировал траекторию и надавил на крючок. Ложе дрогнуло, и тетива застонала, отправляя болт в полёт, который спустя секунду вонзился в дерево... в двух сантиметрах от центра мишени.

– Ещё чуть-чуть, – улыбнулась «Росомаха», смотря на раздосованный народ.

«Пантера» без лишних слов взял с подноса оружие. Недолго его разглядывая, приклад был поставлен к плечу. Полуэтернахватило всего пары секунд чтобы взвести арбалет, прицелиться и выстрелить. Свистящий болт резво рассёк воздух и вошёл в чёрную точку на дереве, вызвав вал громких восхищений. Стальной наконечник торчал прямо из центра мишени, говоря о безоговорочном мастерстве мужчины.

– Ты победил, – удивился Джеспар, положив арбалет на поднос.

– Победившему подарок! – объявил ведущий бала.

Второй слуга на обтянутом алом бархатом подносе вынес что-то сверкающее. Штепапфан ясно распознал украшение, это колье, сложенное из начищенного золота и изумрудов. Полуэтерна взял его и поднёс человеку, который был для него оказался очень дорогим.

– Как это мило, – вздохнула Калия, смотря на картину дарения, которая привлекла многие женские взгляды.

Штеппфан, подуставши и утомлённый выпитым, через

пелену тусклости видел, как Тараэль отдал его роскошно одетой девушке, которая с радостью приняла дар. Штеппфан снова увидел лишь её неопишную и роковую красоту, которая выделяется даже среди аристократичной роскоши прекрасных высокородных дам.

– Ты её знаешь? – спросил судья.

– Да, – сказала Закаresh, показав судье на столик с фужерами.

– Мессеры и дамы, вам предлагается отдохнуть и послушать чудесную песню, – объявил о новой вехи карнавала ведущий. – На этот раз мы позвали менестреля, которая расскажет историю, которая не оставит вас равнодушными.

В этот раз центральная персона вышла не в центр театра, а встала на самом высоком ярусе. Десятки взглядов сошлись в одной точке, где стояла роскошная девушка. Никто не остался безразличен, как только увидел высокую аэтерна, чей роскошный светлый волос был убран назад, заплетённый в две толстые косы, чудесное милое кругловатое лицо отчасти потаённо за маской белой птицы с жёлтым клювом. Изящная фигура подчёркивалась простым, но довольно дорогим платьем лазурной расцветки, украшенное чудесными узорами и парой драгоценных камней. В её утончённых пальцах звенели струны ютившиеся лютни. Накрашенные губы распахнулись и в залу полился чудесный околдовывающий голос, складывающийся в строки песни:

– Одиночеством я проклятое дитя

Имя мое ничего не значит для тебя,
Будущее словно мраком покрыта стезя
По любви твоей душа рыдает моя.
Тень проклятья легла на сердце моё
Боль и мрак разрывает душу вдвоём
О, Мальфас, нечто тёмное губит дитя твоё
Бог, прояви ко мне милосердие своё.

О, что я буду делать, чтоб обрести любовь твою?

Свет во мне погас, я ввергнут в тьмы калию.

Радости мне нет без тебя, печаль на сердце кую

«Есть ли ещё надежда?» – вопрос себе задаю.

Мир стал тюрьмой, где я один, солнце света не даст

Пути нет у меня, Мальфас мне по заслугам воздаст

Страсть веселья и любви мне не доступна, бог их не отдаст

Всё что есть осталось – души разбитой балласт.

Чуткий глаз Штепфана выцепил тот миг, когда глаза Закареш блеснули солёной влагой. Чудесная минорная песнь, посвящённая беспутным и Мальфасу, сыграла и на струнах её души, нашла что-то болезненное и выдавила слёзы. Что-то отозвалось воем в душе Калии и Даль'Кир не собирался оставаться в стороне.

– Всё хорошо, – подошёл к ней судья, можно было забыть о тревоге, которая была подавлено крепким неримским алкоголем, его рука легла ей на плечо, он прижал её себе к груди.

– Какая... проникновенная песнь, – Калия тронула глаза, вытирая слёзы. – Я выросла на улицах Подгорода и понимаю о чём поётся. Ты не представляешь, что мне пришлось пережить.

– Я тебя понимаю, – крепче он прижал её к себе, и девушка ответила тем, что подложила голову на его грудь, позволив себе расслабиться. – Ты думаешь моя жизнь прошла в спокойствии?

– Только не говори, что ты жил в нищете и вечном презрении?

– Было и такое, – выдавил Штеппфан. – Несмотря на происхождение.

«Давай, сейчас самое время», – появилась мысль, призыв к действию, за который судья зацепился. В конце концов сейчас, опьянённый чувствами и коньяком, он может сказать то о чём трепещет душа, а завтра же из него и пытками это не вытянешь.

– Калия, я хотел бы тебе сказать, – аккуратно заговорил Даль'Кир, ощущая неприятную дрожь в коленях.

– Да, я тебя слушаю Са'Ира.

– Ты мне за... последнее время стала очень дорога. Калия, я...

Как бы Штеппфан не пытался быстро сказать накипевшее, он банально не успевает. Его наглым образом оборвали, когда другая рука погладила плечи Закареш, и послышался крепкий поставленный голос:

– Мессир, я позаимствую даму?

– Я сейчас вернусь, – отстранилась Калия, влившись в массу людей, скрывшись за вычурными кричащими нарядами.

Штеппфан ощутил себя беспредельно одиноким, стоя посреди толпы. Самый важный момент, самый чувственный был разбит. Возможно, это был единственный шанс сказать о чувствах. Мысль о том, что подобного может не представиться, что всю жизнь ему предстоит бессильно смотреть на неё и перемалывать бурлящие чувства, вызывала противную судорогу, прилив жара и разящий холод. Нужно что-то сделать.

– Мальчик, ты так можешь её потерять. Наверное, половина собравшихся следит за тем, как ты пытаешься её охмурить, – на этот раз внимание привлекла среднего роста дамы, от которой веяло чудесными духами, а сама она облачилась в чёрно-белый официальный наряд. – Если ты так будешь стоять столбом, то она проснётся с ним в постели, – последнее кольнуло Даль'Кира.

– И что вы предлагаете? – спросил судья, с опаской смотря на её маску скорпиона, на то, как вздымается в угрожающем жесте хвост насекомого.

– Есть выход, – дал подошедший с другой стороны высокий аэтерна в белом, немного сюрреалистичном, с толикой официозности, костюме, скрывший личность за маской, навеивающей образ выдры. – Через полчаса будет салют, и ты

можешь её вывести взглянуть на него. А там и такое явление психики, как чувства и эмоции могут взять верх, и ты... сможешь найти ответ, которого ищешь весь день.

– А я думала, Лексиль, что ты искусен только в науках, – улыбнулась девушка. – А ты ещё и романтик.

– Я не всегда был архимагистром, погружённым в науки, госпожа Дижам, – посмотрев её сторону, с тенью волнения говорил Мерраджилль. – В конце концов, не охота, чтобы все труды этого человека пропали зря. Он с утра ради неё бегает.

– Мессир, не могли бы вы тогда отвлечь того господина, – дёрнув за белый рукав, попросила Дижам.

– Хорошо. Есть такая возможность.

Мерраджилль быстро пошёл вперёд. Архимагистр не чувствовал особо угрызений совести, когда его фужер «случайно» перевернулся возле статного незнакомца и вино ручейком полилось на спине мужчины. После пары криков и извинений, он быстро ретировался, ведомый Лексилем дабы почистить одежду.

– Парниша, – плечи судьи сзади обхватили смуглые пальцы Дижам. – Действуй.

Штеппфан более уверенно шагнул в стону Закареш, подтолкнутый дамой. Он держал во взгляде только девушку в чудесном огненном платье и в красивейшей маске. Чуть-чуть смугловатая муза Даль'Кира на секунду предалась скуке, но подошедший парень бодрым и едва трясущимся голосом приковал её:

– Калия, я хочу с тобой поговорить.

– Я вижу. Ты весь вечер, Са’Ира, оказываешь знаки внимания. Только я не могу понять к чему.

– Я хочу тебе сказать важное... об этом.

– Пойми, не ты один что-то мне желал сказать, – чуть-чуть покачала головой Закареш.

«Действуй».

– Калия, сейчас будет салют... прошу тебя, пошли со мной.

– Да, Штеппфан, – взяла его за руку Закареш. – Пойдём вверх.

V

Звёзды погасшие

Спустя полчаса. Башня.

Свежий порывистый ветер обдувает лицо, холод предрасветного времени окутывает полностью, даруя удивительное чувство освежения. Прохлада приводит в сознание, но даже её настойчивость не способна отрезвить молодого судью, исполненного надежд и ощущения праздника. Он во истину опьянён, но не от выпитого, а от переполняющих чувств.

Штеппфан с ликующим чувством торжества стоял у самого края башни, в нефритово-тёплых глазах отражался слегка-пламенеющий край восточного горизонта. Над головой небесную твердь всё заливают россыпь рубиново-гранатных звёзд, свет неисчислимого количества сияющих астр прорывается сквозь холодно-сапфировую бездну, окутанную пери-

стыми тёмными облаками. Каждый раз аркчане с непередаваемым восхищением смотрели на буйство небес, на тысячи тысяч дико сияющих хтонических звёзд, готовых обрушиться драгоценным дождём на землю и затопить всё светом. На миг может показаться, что над Арком открылись врата в бездну другой вселенной и в их души смотрит небо из иного мира, возвещающее об грядущих эпических событиях.

Но не к чудесам природы прилепилось сердце человека. Он, держась за ладонь в рыжей перчатке, прижался к Закареш. Парень даже и не мог представить, что настолько далеко зайдёт, что сможет её не то, что пригласить, а вместе встречать с ней будет рассвет. Это слишком далеко для того, кто раньше не мог и мысли собрать при её присутствии.

– Смотри, как он величественен, – протянула руку Закареш, её длань простёрлась над Арком. – Восход будет просто восхитителен.

– Но он не настолько восхитителен, как ты, – несомый чувствами, сказал Штеппфан, радуясь тому, что утончённые губы хранительницы украсила милая улыбка.

Он не знал, что будет завтра, не знал, что принесёт ему утро, но сейчас явно хотел сказать всё, что оплетало сердце тернистыми цепями. Ведь ради этого он всё предпринимал, ведь ради её чувств молодой судья смог переступить через себя, собственную нерешительность и кошмары, связывающие его. Но яд страха продолжал удерживать его.

– Калия, я давно тебе хотел сказать, что чувствую, – за-

дрожал голосом Даль'Кир. – Ты для меня... Калия, ты...

– Это важный разговор, как я чувствую.

– Да, – выдохнул Штеппфан, его и её взгляды встретились, в топазных очах Даль'Кир нашёл знакомый огонёк, удивительную глубину, в которой он тонул; бурлящие чувства топили его, образы, приходящие из далёкого подсознания, приносили противоречивые картины – от радостного ответа одобрения, до полного отвержения за которым ощущалась странная предрешённость.

– Принеси вина, – попросила Закареш, отстранившись от судьи. – Я чувствую, что ты хочешь сказать... но мне нужно выпить.

Штеппфан кивнул и стал протискиваться в сторону слуги с подносами. Он протолкнулся сквозь кучу народа, облачённых в кричащие наряды, чтобы исполнить просимое.

Но место рядом с красивой и загадочной девушкой долго пусто не бывает. Возле «лисы» тут же появляется высокий статный мужчина, сменивший испорченный фрак на чудесный серый дублет, расшитый серебром.

– Калия, нас наглым образом прервали в тот миг, – Калия тут же обратила своё лицо к мужчине, внимая каждому слову. – Я говорил о том, что нас многое связывает.

– Кхм, да. Прервали. Но ты прав, – мягко сказала ему Калия. – И я ценю то, что ты сделал для меня. В последние дни, я думала о том, что нас связывает не только служба.

– Калия, наши души как одно, – что-то поэтическое стал

говорить парень. – В них истинно есть что-то единое.

– Да-а-а, – словно бы простонала девушка. – Ты для меня стал одним из самых близких...

– Насколько?

Образы наводнили ум, представ в фигуре грёз. Она вспомнила и мужественную помощь с его стороны, и то, как он часто её утешал, приходил в келью с добрым словом и поддержкой, выслушивая все переживания и тревоги, подкрепляя чем может. Она на миг вспомнила и теплоту его речей, и мягкость грубых рук. Пару раз ему пришлось нести её обессиленную после тренировок до кровати. Оба они были чем-то похожи, ибо парень сей не был выходцем из благородных слоёв населения, который благодаря магическому таланту и мастерству смог пробиться в Орден. Ещё он часто делился тем, что в нём есть что-то странное, кажется, будто тело носит две души, вместе с ним живёт нечто тёмное, вызывающее к обитателям inferнальных миров.

– Очень сильно. Ты прав... в какой-то степени наши души – как одно.

Незнакомец не был столь галантным или трепетно относящимся к чувствам Калии и не стал долго тянуть ляжку, быв больше сторонником чувственных действий. Как только он заметил эфемерный намёк на шанс, то воспользовался им. Он, перепивший остианского кальвадоса, дал волю эмоциям.

– Но, – пыталась противостоять Калия напору, но была

сломлена изнутри.

Левая рука подхватила девушку за талию и подтянула к себе, лёгким усилием заставив чуть прогнуться. Правая рука запустила пальцы в чёрные шёлковые волосы. Нос Закареши защищало от его духов, она не успела ничего сказать, как её губы обожгли его уста, а сама она оказалась в его цепких, приятных и тёплых объятиях. Что-то странное тёплое и ёжистое в груди затискало, ощущение стыдливости было подавлено взрывом чувств и выпитым вином. Одновременно приятная и неприятно сильная щекотка в нижней части живота сводили с ума. Калия если и хотела что-то сказать против этого, то уже не могла, ибо внезапно воспламенившиеся эмоции сделали голову пустой.

Пальцы Даль'Кира сомкнулись на тонкой ножке бокала. Внутри него разливалось приятное тепло, он чувствовал, что вот-вот и расскажет о чувствах. Он чаял этого момента, ждал то, что его хотя бы выслушают, а призрачный шанс на то, что чувства найдут ответ для него переставал быть эфемерным. Но то, что он увидел дальше, оказалось вне всяких ожиданий.

Штеппфан обернулся, взяв фужер и оторопел. Даже огромное количество гостей в пёстрых костюмах не скрыли страшной рассудку картины. Пара секунд показались вечностью. Взгляд остекленевших глаз застыл. Калия нежно припала устами к мужчине, закрытые глаза возвестили о намёке на теплоту от этого. Её рука инстинктивно потянулась к шее

мужчины.

Это вызвало энтропийную волну сдавленного шока, отразившейся звенящий мыслью:

«Нет!»

Его разум отказывался верить в то, что выхватывают глаза. Закаresh, пускай на секунду, но поддалась чувствам... которые были посвящены не ему. Нефритово-холодные глаза смотрели на картину полного разгрома, и с каждой секундой, понимания абсолютного бессилия, холодные когти ужаса всё глубже погружались в грудь. Рука незнакомца соскользнула с её талии и задела запястье, сорвав браслет. Звук упавшего металла ударил по ушам Штеппфана сильнее выстрела эрофинской великой бомбарды, сверкающий гранат стал подобен угольку ада, вложенному в его грудь.

«Она даже не заметила».

Парень отшатнулся, его голова закружилась, словно на него дыхнула сама смерть. Он попытался как-то собраться, организовать мысли и продумать действия, но кричащий ум не находил ничего, кроме бездны хаоса. Придумать что-то адекватное... да вообще хоть что-то оказалось ещё тяжелее, чем спасти положение во время военного поражения. Он не находил ничего, кроме страшного холодного воя, растекающегося по душе убийственным льдом.

«Нет...».

Поражение абсолютно и неоспоримо, все прежние чувства были испарены. Раскалённая обида, гнев и отчаяние

испарили всё прежнее, оставив только зияющую рану. Чтобы хоть как-то отвлечься, он отнял взор от целующихся, посмотрев на небо, где неистово пестрела россыпь маленьких точек... но Даль'Кир не увидел звёзд, только голодный холодный мрак, разверзшийся над его головой. Для него погасли любые светила, не было больше света... ни над головой, ни в душе.

– О, Мальфас, где твоё милосердие? – прошептал Штеппфан, не желая привлечь внимание «праведных» аристократов. – Неужто ты жесток, раз не зришь беду твоего слуги? О Морала, помоги мне. Успокой дух, вырви сердце, лиши души... сделай всё, что угодно, но лиши меня этой боли.

Шепотливое бурчание переросло во вспышку гнева.

«Владыки, не стойте истуканами, помогите!»

Но лживые боги, не ответили. Они далеко, повелители Инодана глухи к верным сынам и дочерям, к их боли и страданиям. Ему никто не ответит, никто не поможет, никто не лишит бурлящего моря рвущих эмоций. В конце концов праздник силы и славы Мальфаса стал крушением веры в ложное божество:

«Боги не придут... они не разделят с нами страданий, не помогут, когда нам больно. Они требуют лишь жертв и повинения. Но боги ли они?»

Отрицание сменилось рокочущей волной гнева. Лицо, щёки стали побагровели. Торс рванул вперёд в не обуздаемом желании что-то изменить, но физическая боль его

остановила.

«Будьте вы прокляты, боги» – вопил разум Штеппфана, пытаясь переварить, справиться с увиденным, но ничего не могло помочь расколотому уму.

Холод ветра подхватил несколько шелестящих флагов, под которыми стоял судья. В этот миг триста двадцать кулеврин из батарей салютных команд разорвали небо единым залпом. Артиллерийские дивизионы Арка сегодня поставлены на службу празднику, став глашатаями рассвета. В поднебесье сию секунду, с хлопками и грохотом распустились мириады цветков – красные, зелёные, синие, жёлтые и фиолетовые. Народ, десятки тысяч человек столицы Эндерала смотрели на салют.

Но Штеппфан его видел... ни салюта, ни звёзд. Странная противная холодная тьма коснулась его сердца, окутала душу гадким едким дымом и затуманила взор. Его грудь словно окатили струёй раскалённого пламени, в ногах пропала сила и парню пришлось опереться на башенный зубец, чтобы не грохнуться.

Он должен был что-то сделать... и он делает то единственное, что сейчас является верным. Под аккомпанементы салюта, разукрасившие город в разные цвета, молодой судья оборачивается и тянется к выходу.

– Вы уже нас покидаете, Штеппфан? – спросила роковая спутница полуаэтерна, который примерил маску пантеры.

– Да... как-то... холодно, – выдавил судья, пытаясь уби-

рать бокал.

– Так тепло же. Лето!

– И всё же, – Штеппфан коснулся губами сладкого вина, которое ему показалось нестерпимо горьким, как эрофинская лимонная водка.

Ещё раз он бросает взгляд в сторону и прицепился взором к девушке в лисьей маске, к её чёрным волосам и изгибу шеи. Хоть они и не целуются, она положила ладонь на руку незнакомца, что ещё сильнее обожгло сердце судьи. Он попытался поставить бокал, но его пальцы дрогнули и хрусталь выпал, со звоном разбившись о камень.

– Штеппфан, с вами всё в порядке?

Едва ли не задыхаясь, с чувством стянутого тернистыми цепями сердцем, судья смог произнести:

– Мне... холодно.

Мужчина дальше побрёл призраком, карикатурой на человека, сквозь ликующую толпу. Он было попытался выпрямиться, но пучковая боль связала центр груди, не давая это сделать. Парень медленно перебирал ногами, пытаясь как можно быстрее скрыться из виду. Ощущение как будто его огрели мешком по голове, не отпускало.

«Зачем всё это было? К чему?», – его не терзала и тень обвинения Калии; он уважал её чувства и выбор, весь вектор ненависти и боли была направлен в себя. – «Зачем мне долбится в двери, которые не будут открыты? Почему каждый раз одно и то же?».

– Друг, – был остановлен судья золотокожим парнем в алом.

– Итиэль, – прохрипел Штеппфан.

– Я видел, как ты пригласил Калию. Вот ты разбойник, – ударил парень в плечо товарища. – Ты выиграл спор!

– А что мне с этого? – вопрос прозвучал, словно сказанный призраком склепа.

– Что случилось?

– Ты был прав, – тяжело дыша, смог собрать мысли Штеппфан. – Ты всегда был прав.

Итиэль взглянул на Калию, увидел мужчину рядом с ней. За руку они более не держались, но помощник всё осознал.

– Понимаю, – покачал головой аэтерна. – Но ты сделал всё, что мог. Я же говорил тебе – это может закончиться плачевно. Вы слишком далеко отстоите друг от друга.

Штеппфан запустил руку в карман, вытащив бумаги. В свете распускающихся небесных бутонов изумрудом отблеском мелькнула печать с геральдическим тигром на письме. Вместе с ней пальцы зажали веленевую бумагу, строчки на которой красивыми каллиграфическими буквами доносили смысл документа – «право на корабельное место в торговой флотилии Арк – Ксарморан»

– Съезди, отдохни, – тяжело шевеля губами, отдал судья бумагу. – Мне он больше не пригодится. А ты можешь найти там что-нибудь интересное.

– Ох, ты всё же купил его, – с энтузиазмом взял бума-

гу помощник, он взял друга за предплечье, бодро утешая. – Ничего, всё пройдёт. Ты ещё не такое проходило. В конце концов, может это наказание богов или испытание, которое нужно тебе перенести.

– В этом мире, – вдохнул Штеппфан, – нет ни наград, ни наказаний. Есть лишь последствия.